

Лариса Карпова
КУВШИНКИ В СНЕГУ

Лариса Карпова

Кувшинки в снегу

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Карпова Л. Г.

Кувшинки в снегу / Л. Г. Карпова — 2021

ISBN 978-5-00189-098-0

Действие романа происходит в 15 веке на землях Перми Великой. В качестве наместника Московского княжества в пермские земли отправляют опального князя Михаила Верейского, попавшего в немилость из-за убийства пойманной на измене жены. Мрачный князь, гонимый осуждением, разочарованием и чувством вины, вместе со своей дружиной ранней весной прибывает в глушь, в городище на Колве, для его защиты и укрепления. В лесу он сталкивается с необычной девушкой – охотницей Лилией. Есть ли шанс на личное счастье у убийцы? Случайно ли влюбляешься в неподходящего человека, или он только кажется неподходящим? Что лучше: удерживать или отпустить любимого? Бежать от проблем или бороться? Что мешает счастью: обстоятельства внешние или внутренние? Герои романа проходят непростой путь на грани жизни и смерти друг к другу и самим себе. Эта красивая и трогательная история любви – как цветок, который распускается даже в суровых условиях.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00189-098-0

© Карпова Л. Г., 2021

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лариса Карпова

Кувшинки в снегу

Часть 1

Сентябрь 1433 г.

Вёсла с легким плеском входили в воду, оставляя за собой пенящиеся буруны, струг ходко шёл вниз по течению. Сидя на возвышении у самого носа судна, Афанасий Градский в который раз тревожно огляделся и привычным жестом огладил свою аккуратную купеческую бородку. Лес по берегам реки играл жёлтыми, красными, зелёными красками, которые отражались в воде, создавая радостный калейдоскоп бабьего лета, но потемневшая листва склонившихся к воде ив говорила, что это последние тёплые деньки в этом году. Они не успевали, и это заставляло бывалого купца хмурить брови и в который раз ругать себя за то, что взял жену с собой. Он оглянулся и посмотрел на корму, где под навесом сидела Синильга и, тихонько напевая, вязала малюсенький носочек. Взгляд Афанасия потеплел. Как он мог отказать ей? Любовно оглядывая её округлившуюся из-за беременности фигуру, белые скандинавские косы, ловкие пальчики, он признался себе, что вряд ли смог бы прожить без неё эти несколько месяцев, которые заняла торговая экспедиция в верховья Камы. И потом, Афанасий был уверен, что они успеют вернуться в Новгород до того, как Синильге придёт время рожать. Но они не успевали! Эта мысль неотступно билась в его голове, мешая найти выход из положения. Синильге со дня на день понадобится акушерка, а где он найдёт акушерку в этих Богом забытых лесах, где лишь изредка по берегам рек встречались коми-пермяцкие городища, в которых единственными лекарями были колдуны – памы. Афанасия не радовали даже набитые пушшиной тюки. Его сжигала тревога за жену. Экспедиция оказалась довольно тяжёлой: от шумных пристаней Великого Новгорода они плыли в Ладожское озеро, потом в Онежское. Оттуда переволокли челны в озеро Белое, из него вышли в речку Сухону, из Сухоны в Югреку и её притоки. Потом опять тащили челны сушей до малой речки, которая и привела их к Каме, потом шли в верховья на Вишеру и Колву. Да ещё эти чёртовы охотники манси! Сменили место стоянки! Его команде понадобилось несколько недель, чтобы найти их новое становище, несколько драгоценных недель. А теперь они были ещё очень далеко от дома.

Жена почувствовала его пристальный взгляд и подняла голову от вязанья. Заметив его нахмуренный вид и, догадываясь о причинах столь плохого настроения, Синильга улыбнулась, окатив его теплотой своих лучистых синих глаз, и увидела, как тут же разгладилась морщинка между его бровей. Афанасий подошел к жене, провожаемый завистливыми взглядами гребцов, жёны которых остались дома, и присел рядом.

– Ну, как ты? – спросил он, придвигаясь к жене поближе. Его каждый раз удивляло своё желание быть к ней как можно ближе. – Продержишься до дома?

– Я-то продержусь, – весёлая хитринка мелькнула в её глазах, – а вот он может со мной и не согласиться. – Синильга нежно погладила свой живот и, наклонившись к нему, прошептала: «Папочка тебя встретит».

– Господи, Синильга, прекрати так шутить, твой огромный живот и твоё спокойствие просто... – Афанасий замер, увидев, что жена побледнела и выронила вязание. Он схватил её за плечо и начал трясти: – Что? Что? Синильга, что с тобой?

– Любый, прекрати меня так трясти, – она выдавила улыбку, – если не хочешь, чтобы твой ребёнок вывалился на палубу. А через пару часов он все равно так и сделает!

– Ты рожает? Сейчас?!! – Афанасий побледнел ещё больше жены. – Прошка!! – Его крик хлестнул по гребцам и поднял рыжего растрёпанного паренька на ноги. Тот был их проводником в нескольких последних торговых рейдах и большую часть времени спал, притулившись у тюков с пушиной и накрывшись облезлой медвежьей шкурой. Сейчас он непонимающе моргал глазами, ожидая, что последует дальше. – Где ближайшее поселение, даже если это одна полуразвалившаяся хижина?

– Дык, это, – Прошка чесал голову и оглядывался по сторонам; по берегам стоял лес: густой, заваленный валежником, тёмные ели, отражаясь в воде, создавали ощущение заброшенности, оторванности от мира, – дык, аккуратно за поворотом реки в долине есть одно, – голос Прошки вернул Афанасия к реальности.

– Все на вёсла! Навались, ребята! – команда Афанасия разорвала тишину, плеск вёсел стал чаще и громче, ладья полетела по воде, всё набирая темп.

* * *

Деревенька вынырнула из-за поворота, её серая ограда быстро приближалась, до струга доносился запах дыма, слышались колодезный скрип и стук топора. Гребцы уже держали сходни наготове, и Прошка, лохматя вихрастую голову, готовился спрыгнуть на берег. Прошка знал все прикамские наречия и своим наивным видом располагал к разговору, как никто другой. За несколько минут он мог узнать о местном населении больше, чем купец Афанасий Градский за долгие месяцы. Поэтому Прошка был не только хорошим проводником, но и неизменным участником всех переговоров с местными жителями. Афанасий давно подумывал взять Прошку к себе на двор, очень уж близок стал ему этот сирота за годы торговых экспедиций, он относился к нему по-отечески, и Прошка, чувствуя это, старался всячески угодить купцу.

Сейчас взгляд паренька метался по берегу, выглядывая удобное место для высадки, и засиял, когда Прошка увидел удобный сход к воде и деревянный настил, к которому было привязано несколько лодок. На берегу уже стояли местные жители, несколько мужиков и баб: кто-то в длинных суконных рубахах и лаптях, кто-то в кожаных штанах и рубахах, расшитых костяными бляшками, явно охотники. Вид торговой ладьи был не таким уж частым зрелищем для местных жителей, и они с любопытством рассматривали приближающееся судно. Струг не успел причалить, как Прошка спрыгнул на настил, и его голые пятки засверкали на тропинке. Афанасий увидел, как паренёк, отчаянно жестикулируя, что-то быстро объясняет жителям, после чего вокруг него загомонили сразу несколько человек, и какой-то старик показал рукой дальше вниз по течению. Паренёк раскланялся, вызвав недоумённые улыбки, и побежал назад к ладье.

Афанасий уже начал терять терпение, когда запыхавшийся Прошка перевалился через борт. Купец нетерпеливо ухватил его за шиворот и поднял на ноги. «Ну, что? Есть у них повитуха?» – Прошка поморщился от гулкого голоса купца, раздававшегося у самого его уха, и, чтобы не подвергать опасности свой слух, быстро затараторил: «Дык, это, нет у них в деревне повитухи! Колдун их пришлых не жалует, да и лекарством занимается нечасто, а врачует их старуха-знахарка, Травеной кличут, ну и рождает когда кто, её зовут, дык, тока побаиваются они её, говорят, с духами знается, в душу человеческую заглядывать может, но местным идолам не кланяется, потому в деревне ей жить и не разрешают. Хижина у неё ниже по течению, у Волчьего камня. От камня четверть версты вглубь леса, на поляне у вечного дуба». – Прошка замер, переводя дыхание, и огляделся: струг быстро удалялся от деревни, а Афанасий, уже не обращая на Прошку внимания, держал жену за руку и, заботливо вглядываясь в её бледное лицо, просил потерпеть ещё немножко.

* * *

Травена сидела у окна в своей заброшенной хижине и наблюдала, как ясное до прозрачности осеннее небо медленно затягивает серая дождливая туча, возвещая о конце бабьего лета. Она знала, что туча эта будет закрывать солнце не час и не два, а недели, а может, месяцы. Дождь из неё будет моросить долго и занудно: то прекращаясь, то начинаясь снова, и осознание этого наполняло её тоской, заставляя острее почувствовать своё одиночество. Травена была сильной женщиной, в свои сорок лет она многое узнала о мире и о людях. Она знала, что была слишком умной и проницательной, чтобы жить в мире людей, она вызывала зависть и опасения, и женщина давно уже не совершала той ошибки, которую совершила в молодости, поселившись в людском поселении. Она вновь вспомнила ту грязную деревеньку, в ограду которой она постучала. Травена была тогда в отчаянии, у неё только что умерла мать, травница и знахарка, как её называли, отец, бывший христианский миссионер, умер двумя годами раньше. Травена до сих пор не знала, каким ветром занесло христианского миссионера в эту глушь, каким образом сошлись знахарка и священник, но она всегда благодарила небо за него. Он научил её читать, писать, открыл для неё целый мир за пределами леса, он научил её всему, что знал сам, и он очень любил её мать, настолько, что отказался от того мира, из которого пришёл, поселившись с ней в лесу. Травена была счастлива с ними, пока смерть не отняла их одного за другим, и тогда, спасаясь от одиночества, Травена пошла к людям. Её приняли в том коми-пермяцком поселении, куда она постучалась, она лечила людей, их скот, принимала на свет новорождённых, но всегда чувствовала некоторую отчуждённость, ни разу она не почувствовала себя своей среди них. А ещё Травена гадала, просто она была очень проницательной, легко читала в сердцах людей и могла сразу сказать, будет ли брак успешным, будет ли сделка честной, и могла сказать, кто на кого таит зло. Позже она поняла, что если бы она скрыла эту свою способность, то, возможно, прожила бы среди людей подольше, но конец был всё равно неминуем. Люди не любят, когда рядом живёт человек, который знает и умеет больше, чем они, его способности кажутся загадочными, необъяснимыми и вызывают страх. Особенно если этот человек не кланяется тем же богам, что и все остальные. А ещё больше они боятся, что кто-то увидит в их душе то, что тщательно скрывается от других. Так что в один прекрасный день женщина, которой Травена предсказала несчастный брак, в очередной раз побитая мужем, кинулась на неё с криком: «Колдунья! Всё зло от неё! Бей её! Колдунья!» Этот крик до сих пор стоял в ушах Травены, вызывая неприятный озноб. Оказалось, что злобу на знахарку затаила она не одна. Били Травену тогда почти всей деревней, закидывали камнями, плевали ей в лицо, она не помнила, как выбралась за околицу, похоже, её просто выкинули за ограду, приняв за труп. Несколько недель она ползла тогда по лесу, питаясь чем придётся, хорошо, что она знала лес, как свой дом, и не могла бы умереть в нём с голоду, пока не набрела на эту заброшенную хижину, в которой и осталась зализывать раны. Эта хижина под огромным дубом, чудесным образом занесённым и выросшим в этих краях, стала её домом. Травена навела в ней порядок, поправила покосившиеся сени, завела огородик. Люди сами нашли её, когда приходила нужда в лечении, звали, Травена никому не отказывала в помощи, принимая всё, что давали ей в оплату. Коза Дара досталась Травене за спасение сына старейшины, которого она излечила от грудной хвори. Травена улыбнулась, услышав, как завозилась в сенах Дара, словно в ответ на её мысли. Дара да чёрный кот Василиск, которого Травена назвала так за завораживающий взгляд зелёных глаз, были единственными живыми существами, разделяющими с ней её одиночество. В общем-то, Травена не чувствовала себя несчастной, она нашла свою гармонию с миром, только где-то в глубине её души тлел маленький огонёк тоски по семье и по ребёнку, как у каждой женщины с не сложившейся судьбой. Та любовная искра, которая вспыхнула в ней к молодому охотнику той злополучной деревни, была забита и растоптана в деревенской

пыли и больше никогда не загоралась в душе Травены, но она часто замечала, что с какой-то затаённой тоской её взгляд провожает деревенских детей. Травена вздохнула и очнулась от горестных мыслей, она заметила, что за окном заметно стемнело и похолодало, а огонь в очаге почти угас. Она подложила дров в огонь и поставила разогреваться свой нехитрый ужин. Что-то беспокоило её в этот вечер, какое-то неясное предчувствие. Взгляд помимо воли возвращался к окну. У Травены возникло ощущение, что она чего-то ждёт, чего-то или кого-то. Она зябко поёжилась и подсела к огню.

Скрип входной двери заставил её вздрогнуть. В дом ввалился крепкий, бородатый русоволосый мужчина с тревожным взглядом ярко-зелёных глаз, с него ручьём стекала вода, а руки были отягощены тяжелой ношей, заботливо укрытой плащом. Раздался стон, и из-под плаща свесилась тяжёлая белая коса. Мужчина вздрогнул и ещё раз внимательно посмотрел на Травену: «Вы Травена-травница?» – раздался его голос. Травена кивнула. «Вы не старуха!» – Травена кивнула ещё раз. «Помогите моей жене, она рожает! – в голосе мужчины слышались беспомощность и боль. – Меня зовут Афанасий Кириллович Градский, я купец, и я отблагодарю вас достойно, только сделайте всё возможное, чтобы она выжила!» Травена быстро подошла к мужчине и откинула плащ. Женщина была бледна, она до крови закусил губу, чтобы сдерживать крик, но на умирающую она не была похожа. Травена привычным движением расстелила топчан и указала мужчине, чтобы он положил туда жену. Взглянув на него, она заметила, что он в состоянии, близком к панике.

– Почему вы думаете, что она умирает? – вопрос знахарки отвлёк его от созерцания жены.

– Моя первая жена умерла от родов, но эту я просто не могу потерять! Синильга для меня всё, я без неё не смогу жить, пожалуйста, помогите ей! – в его голосе были и просьба, и мольба, и приказ.

Искра зависти мелькнула в душе Травены к этой красивой белокурой женщине, которую любили с такой силой, мелькнула и исчезла при виде её измученного лица. Дверь снова скрипнула, и в хижину влетел запыхавшийся Прошка: «Дядя Афанасий! Как же быстро вы бежали! Никак мне было вас не догнать! – его весёлые глаза уже с любопытством оглядывали убранство помещения. – Я вижу, нашли вы уже колдунью!» Травена поморщилась при этом возгласе и повернулась к обоим: «Если вы хотите, чтобы я занялась этой женщиной, не мешайте мне! Переоденьтесь в сухие плащи, они на вешалке у двери, и ждите в сенях. С Синильгой, так, кажется, её зовут, всё будет в полном порядке, она здоровая, сильная женщина и прекрасно перенесёт роды, если вы оставите её ненадолго в покое!» – в голосе знахарки чувствовались непреклонные нотки, и мужчины, накинув сухие плащи, послушно вышли в сени.

Травена занялась привычным делом: она разогрела воды, приготовила чистые тряпки, сварила обезболивающее питьё. Всё это время она успокаивающе разговаривала с роженицей, которая мучительно сдерживала крик, делала ей массаж и поила обезболивающим чаем. Роды протекали нормально, но несколько затянулись. Женщина была совершенно обессиленной и, когда появился ребёнок, впала в забытие. Травена привычным жестом обрезала пуповину и стала обмывать ребёнка. Она улыбалась, глядя на этого крепенького мальчишку, который, пискнув пару раз, с любопытством оглядывал всё вокруг. Когда с топчана раздался новый стон, Травена подошла, желая успокоить роженицу и сказать, что всё позади, но сама удивилась, увидев, что появилась головка ещё одного ребёнка. Она принялась за дело, аккуратно извлекая ребёнка, и вскоре на свет появилась замечательная девочка с поразительными бирюзовыми глазками. Когда Травена взяла её на руки, девочка, сразу перестав плакать, стала удивлённо разглядывать женщину своими умными глазками, которые, казалось, видели в душе Травены что-то такое, что она пыталась скрыть от самой себя. Сердце Травены вдруг скрутило от нежности и боли. Никогда у неё не будет такой девочки, у неё не будет вообще никакого ребёнка! Господи! Почему у этой женщины, забывшейся сейчас глубоким сном на её топчане, есть всё: любящий муж, семья, а теперь ещё и сразу двое детей, – а у неё нет ничего! Тра-

вена смотрела на эту малышку и чувствовала, что просто не в силах с ней расстаться. Зависть, жажда обладания, отчаяние – всё смешалось в единый комок, не давая мыслить рационально. К ней медленно приходило осознание того, что эта девочка – её последний шанс, последний шанс иметь ребёнка. Никто во всем мире не знает, что родилось двое детей, даже мать ребёнка. «Господи! Господи! Прости меня!» – забило в её голове, но руки уже делали своё дело. Травена быстро обмыла ребёнка, завернула в свою единственную простыню и метнулась к полкам с травяными настоями, где-то здесь был сонный отвар, который она, как и многие необходимые лекарства, держала наготове. Найдя необходимое, она обмакнула кончик простыни в снотворное и дала его пососать девочке. Травена всё время оглядывалась на дверь, и её сердце замирало в страхе, что мужчины не выдержат ожидания, и воцарившееся в домике молчание заставит их войти, тогда её хрупкая мечта разлетится вдребезги. Она взглянула на ребёнка, который всё ещё, машинально посасывая кончик простыни, крепко спал, и вновь её сердце наполнилось нежностью. Травена осознавала, что впервые в жизни совершает дурной поступок, отнимая ребёнка у родителей, но была не в силах остановиться. Утешая себя тем, что своим поступком она никому не приносит горя, Травена вытащила из-за печки небольшую лестницу и поставила её к чердачному люку. На чердаке она схватила большой плетёный короб, выложила его волчьей шкурой и уложила в него ребёнка. Бросив ещё один взгляд на малышку, Травена быстро спустилась вниз и бросилась к шкафу, где-то здесь был настой дурманящей травы, она плеснула его в кружку и подошла к спящей женщине, присела рядом, приподняв её голову. Та открыла глаза. «Выпейте и забудете про испытанную боль, – Травена не уточнила, что она забудет все события последнего часа, поднесла кружку к губам и влила настой в приоткрытый рот Синильги, – а теперь спите, спите, вам нужно отдохнуть».

Как только Травена приоткрыла дверь, Афанасий влетел в комнату, не дожидаясь приглашения, и замер у топчана, на котором спали его жена и ребёнок. Травена подошла поправить одеяло на Синильге и сказала, стараясь справиться с волнением: «Поздравляю вас, Афанасий Кириллович, у вас родился сын! Он здоров, как и жена ваша, им только необходим небольшой отдых, прежде чем отправиться в путь». Лицо мужчины осветилось такой неподдельной радостью, что Травена на миг испытала угрызения совести. Афанасий присел у топчана и нежно взял жену за руку. Синильга открыла глаза, почувствовав это прикосновение, и улыбнулась мужу. Он сжал её руку и сказал со слезами в голосе: «Родная моя, спасибо тебе за сына!» Синильга повернула голову и посмотрела на сладко посапывающий свёрток рядом с собой, подтянула его к себе поближе и, с любовью вглядываясь в красное сморщенное личико, произнесла: «А мне показалось, я рожаю его дважды». Сердце Травены рухнуло в пятки, в голове зазвенело, но смех Афанасия привел её в чувство и успокоил. «Конечно, дорогая, ты же родила богатыря!» – в его смехе слышались облегчение и любовь.

Спустя пару часов Травена стояла в дверях своей хижины и провожала глазами небольшую процессию из трёх человек, постепенно исчезающую в туманной предрассветной дымке. Она смотрела им вслед и удивлялась неожиданным поворотам, которые иногда делает судьба. Ещё вчера она была бедной одинокой женщиной, а сегодня она счастливая мать.

Уходя, Градский протянул её мешочек с золотом, которого могло бы хватить, чтобы купить целую деревню. Никогда ещё Травене не предлагали такой щедрой платы, да она раньше и не взяла бы такой подарок, но теперь ей было о ком заботиться и ради кого взять это золото. Афанасий удивился, когда она попросила дать ей на память что-нибудь личное, но, не раздумывая, снял свой перстень, на котором были выгравированы его инициалы, и протянул его Травене. Сказал, что если ей когда-нибудь что-то понадобится, этот перстень будет ей пропуском в его дом. Такая щедрость и доброта вновь пробудили в Травене угрызения совести, и она пообещала себе, что когда-нибудь расскажет своей девочке о её настоящих родителях, но это произойдёт нескоро.

Процессия уже давно скрылась в лесу, когда Травена очнулась от своих мыслей и вспомнила о том, что её ждет проголодавшаяся дочурка. Счастливая от осознания того, что кто-то ждет её, Травена шагнула в дом и в новую жизнь.

Часть 2

Май 1451 г.

Жаркое, по-весеннему яркое солнце ударило ей в лицо, едва Лилия открыла покосившуюся дверь их избышки. Ослепительный весенний день наполнил душу девушки ликованием. Со всех сторон доносился весёлый птичий гвалт, от освободившейся из-под снега поляны шёл одуряющий аромат согревающейся земли, ручеек под дубом превратился в бурлящую и пенящуюся речку, а у самого крыльца робко покачивал головкой первый подснежник. Вобрав в себя все запахи и звуки, Лилия счастливо вздохнула и, свистнув Локи и Тора, направилась в лес. Волки послушно побежали рядом, но Локи вскоре, как обычно, опередил девушку. Они всегда так ходили в лес. Первым бежал любопытный, пронырливый и игривый Локи, а серьёзный, вдумчивый и терпеливый Тор шёл замыкающим. Лилия назвала их по именам скандинавских богов, о которых прочитала в книге о различных верованиях и язычествах, и имена эти очень им подходили. Лилия вспомнила, как нашла двух волчат около истекающей кровью волчицы. Волчица с пропоротым вилами животом смогла проползти от деревни почти до самого логова, прежде чем упала замертво. Тогда тоже была весна, но очень холодная и ненастная. Чуть подтаявший снег превратился в ледяную корку. Казалось, всё: деревья, кусты, сухая прошлогодняя трава – было покрыто тонкой ледяной и хрустящей плёнкой. Волчица давным-давно закохенела, когда Лилия наткнулась на неё и скулящих от голода и страха волчат. Она лежала в ледяной луже собственной крови, и волчата поскальзывались на ней, неуверенно кружа вокруг своей матери. Лилии тогда пришлось пожертвовать тулупом, чтобы притащить рычащих и кусающихся волчат в дом.

С тех пор прошло четыре года, и волчата превратились в матёрых и сильных волков, её верных друзей и неизменных спутников. Лилия никогда не ограничивала их свободу, то Тор, то Локи иногда исчезали в лесу на несколько недель, а то и месяцев, но всегда неизменно возвращались к ней. Они втроём ходили на охоту, рыбалку, за травами, ягодами и грибами, а иногда в пермяцкое поселение, хотя в селение волки ходить не любили и предпочитали ждать Лилию за околицей, но она всегда знала, что они рядом, и стоит ей свистнуть, как они тут же примчатся на её зов. Лилия с любовью посмотрела на бегущего впереди по тропе Локи. Однажды он здорово выручил её. Она поздно возвращалась из деревни, где лечила больную старуху, когда наткнулась на хмельного Петра, вернее, это он перехватил её. Она тогда удивилась, что Пётр так открыто подошёл к ней. Обычно деревенские парни держались от девушки в стороне, в бросаемых ими тайком взглядах отражались и восхищение, и удивление, и неодобрение, и даже страх, они смотрели на неё, как на некое лесное диво, красивое, но внушающее опасения, от которого не знаешь, чего ждать. Очень уж Лилия не походила на местных девиц, темноволосых, низкорослых и коренастых. Она была высокой и стройной, как молодая берёзка, гибкой, как ива. Её длинные белые волосы отливали золотом в солнечном свете и серебром в лунном. Большие сине-зелёные глаза, опушённые тёмными ресницами, казались лесными озёрами и, как вода в этих озёрах, меняли оттенок, становились то бирюзовыми в солнечном свете, то тёмно-зелеными, как хвоя пасмурным днём. Её кожа, казалось, излучает мягкий свет, и во всём облике девушки было что-то таинственное и непостижимое, как сама природа. Казалось, она не принадлежит тому миру, в котором жили местные жители, поэтому они старались лишний раз не подходить к ней, прибегая к её помощи только в случае нужды. Впервые Лилию так нагло обхватил деревенский парень. Запах браги и лука, идущий от него, заставил девушку вздрогнуть от отвращения. Она попыталась оттолкнуть его, но Пётр только крепче обхватил её и начал подталкивать к густым зарослям черемухи, в которых любили уединяться местные влюблённые, его жаркий шёпот эхом отдавался в её голове: «Ну что, русалка, посмотрим, все

ли у тебя такое же, как у наших девок, ножки-то у тебя есть, может, и между ног что найдётся. Я давно к тебе приглядываюсь, хороша ты, неужто сокровище своё для лешего бережёшь».

Его руки жадно шарили по её телу, Лилия молча вырывалась, мотала головой, пытаясь увернуться от настырных, слюнявых губ. «Ну что ты, голубка, отдайся простому парню, не пожалеешь, а угодишь, женою в дом возьму», – Лилия невольно вскрикнула, когда Пётр рванул вверх подол её рубахи и попытался повалить в высокую траву. В ту же секунду стремительная серая молния вылетела из кустов, кляцнули челюсти, и крик боли разорвал тишину спящей деревни. Локи вцепился в руку Петра, которой он пытался задрать подол рубахи девушки, ещё через секунду вылетел Тор, и его челюсти сомкнулись на ноге обидчика. Лилии пришлось поднять голос, чтобы волки разжали свою стальную хватку и выпустили парня. Он тут же бросился бежать, прихрамывая и придерживая окровавленную руку. С тех пор Пётр посматривал на Лилию с затаённой ненавистью, но больше к ней не подходил, и этого ей было достаточно, чтобы чувствовать себя свободно.

Лилия быстро и уверенно двигалась по тропе, свою белую толстую косу она перебросила на грудь, чтобы не стучала по спине при быстрой ходьбе, лук и колчан со стрелами приятно оттягивали ей плечи. Этот лук Лилия упростила купить старую Травену. Та частенько общалась с заезжими купцами, у которых выторговывала рукописные книги в обмен на пушнину, любые, какие только попадали в их края.

Они так привыкли к этой сумасшедшей старухе, которая почти единственная в этой глуши покупала книги, что долго хохотали, когда она попросила самый лучший лук, который они смогут достать, спрашивали, не спятила ли бабуля окончательно, решив, видимо, положить всех жителей этой грязной деревеньки. Но так как платила бабуля всегда хорошо, просьбу её уважили и лук привезли. Ах, как тогда Лилии самой хотелось выбежать к купцам, потрогать привезённое оружие, но мать никогда не разрешала ей выходить к торговому люду. Лилия не понимала этого запрета, а мать никогда не объясняла, почему ей можно сколько угодно общаться с деревенскими жителями, а купцам нельзя даже на глаза показываться. Интуитивно она знала, что причины на то у Травены были, просто она не хочет о них рассказывать, и требование матери выполняла. Хотя с каждым годом выполнять его становилось всё трудней. Деревня росла, в ней все чаще появлялись новые люди: вслед за купцами пришли на берега Камы русские крестьяне. Кто искал свободную землю, кто бежал от кабалы, от неправого боярского суда. Селились они рядом с коми-пермяками, вместе выжигали лес под пашню, сеяли рожь, ячмень, да и защищаться от постоянных набегов дружин зауральских ханов вместе было сподручнее. Вместе они подсыпали вал вокруг поселения, поставили новый частокол. Ходили даже слухи, что великий князь Московский Василий Васильевич собирается послать сюда своего наместника, который должен будет укреплять и расширять зону московского влияния. Но слухи ходили давно, а дружинники так и не появлялись. Видимо, в великокняжеском окружении было мало желающих отправляться в такую глушь, хотя Лилия и не считала эту деревню глушью, к селению уже проложили какую-никакую дорогу, и купцы теперь прибывали не только по реке, но и посуху, а два раза в год проходили большие ярмарки...

Шум воды отвлёк Лилию от размышлений, она подходила к ручью, рядом с которым было её любимое место: ручей стекал в небольшую впадину, образуя круглое озерцо, а потом продолжал свой путь к реке. Озеро окружали стройные сосны, их зелёные вершины, казалось, заглядывают в озеро, как в зеркало, любясь своим отражением на фоне ярко-голубого неба. В начале лета в озере распускались белоснежные кувшинки, прекрасные водяные лилии сияли как звёзды на глади воды. А сейчас на поверхности плавали лишь потемневшие листья, берега покрывала жёлтая прошлогодняя хвоя, кое-где ещё лежали островки снега, но робкая зелёная травка уже пробивалась к солнышку, вызывая у Лилии улыбку. Она подошла к озеру и, улыбнувшись своему отражению, зачерпнула пригоршню холодной сладкой талой

весенней воды. Напившись, девушка поднялась и замерла, наслаждаясь звуками и скрытыми токами пробуждающейся природы.

* * *

Михаил пришпорил лошадь, в который раз объезжая обоз. Его раздражала медлительность, с которой двигались повозки, тяжело нагруженные припасами и скарбом, который пришлось тащить с собой через всю страну, чтобы обосноваться в богом забытой глуши, в Пермских землях. Раздражала грязь расквасившихся дорог, раздражала сырость, раздражало ворчание челяди, раздражала надоевшая походная каша, бесило собственное бессилие что-то изменить. Они двигались уже почти два месяца, ночуя сначала на постоянных дворах, а последние две недели всё больше под открытым небом. Его люди тоже давно уже устали от промозглой сырости весенних ночей, от постоянного пребывания в седле, от вечного недовольства своего командира. Михаил понимал, что не должен срывать на них, но боль, ярость, вина сплелись в его сердце в тяжёлый, чёрный клубок. Эта боль отягощала его душу, не давала ему покоя, прорываясь глухим раздражением на весь мир, на медленнодвигающиеся повозки, на чёрные голые ветви стоящих вдоль обочины деревьев, на слепящее солнце, которое напоминало ему тот проклятый день, в который он столкнулся с княжной Миловской...

Она запыхалась, перебегая запруженную лошадьми и повозками площадь, её грудь двигалась под опашнем от тяжёлого дыхания, синие глаза смотрели с вызовом и насмешкой. Михаил почувствовал, как жар охватывает его пах, и в тот же момент решил, что посватается к ней. Когда он смотрел на её расправленные плечи, властную походку, ему казалось, он будет получать огромное удовольствие от общения с этой гордой, красивой женщиной. Её отец на удивление быстро дал согласие на этот брак. Князь Михаил Ермолаевич был хорошей партией. Его поместья в подмосковном городке Верея приносили приличный доход, он и его дружина прославились в последней литовской войне, его уважали и считались с его мнением при великокняжеском дворе, он был ещё молод, двадцати шести лет от роду, хотя его несколько суровый вид, бывало, отпугивал девиц. От его высокой, мощной фигуры веяло силой, густые чёрные волосы спускались на широкие плечи, чёрная, курчавая борода всегда была аккуратно подстрижена, тёмно-синие, почти фиолетовые глаза напряжённо смотрели из-под густых, сросшихся на переносице бровей. Поговаривали, что дед его был то ли татарин, то ли персом, очень уж выделялся князь среди русоволосых и голубоглазых дружинников. От всего его облика веяло достоинством и угрозой. Может, поэтому никогда ещё на грязных, узких московских улицах на него не нападали любители лёгкой наживы. Не многие знали, как обманчив его вид. Как и все крупные и сильные люди, Михаил был добр и справедлив, с друзьями щедр и насмешлив, никогда не проявлял жестокости ни к пленным, ни к дворовым людям, хоть и был вспыльчив. Может, поэтому и двинулись вместе с ним на Урал почти все его холопы и вся дружина с семьями, скотом и утварью – селиться в новом месте.

Всего лишь несколько месяцев назад Михаил думал, что его ждёт долгая жизнь в столице, прерываемая редкими военными походами, выполнением великокняжеских поручений и проверкой поместий. Он мечтал, что в его добротный московский дом войдёт жена, мечтал о семье, о весёлом топоте детских ножек. Каким же дураком он оказался! Его надежды пошатнулись уже в день свадьбы, когда он увидел взгляд своей молодой жены. Ольга смотрела на него с ненавистью, причины которой он не понимал, да и не мог понять, после сватовства он ни разу не видел своей невесты, не знал о её отношении к нему и их браку, но наивно полагал, что раз она согласилась, то совсем не прочь стать его женой. Михаил ещё подумал, что, возможно, она боится первой брачной ночи. В ту ночь он был с ней невероятно нежен, ласкал, шептал ласковые слова, но она лежала, не двигаясь, остекленевшими глазами уставившись в потолок и сжав кулаки. Устав от бесконечных попыток расшевелить её, он все-таки взял её, после чего остались

лишь горечь и разочарование. Его жена оказалась не девственницей, до него она любила кого-то другого! Представить, что кто-то осмелился силой взять княжну Миловскую, было просто невозможно. Он поднялся и, увидев страх в её глазах, понял, что она ждёт удара. Он поднял свой пояс и, достав нож, схватил жену за руку. Страх в её глазах сменила паника. Михаил провёл лезвием по её пальцу, и несколько густых капель крови упали на выбеленную простыню. «Это чтобы избежать позора», – бросил он и, хлопнув дверью, вышел из спальни. Всю ночь князь простоял на крыльце, смирив боль и ярость, решая, что же делать дальше. Казнить жену за то, что она любила другого, было бессмысленно. Разговаривать с её отцом и выяснять, кто был её любовником, тоже не хотелось. Отец мог и не знать, да и Михаил не мог поручиться, что, узнав, кто он, просто не пойдёт и не убьёт его. Оставалось надеяться, что со временем жена забудет свое увлечение, раз уж она вышла замуж, и если не полюбит Михаила, то хотя бы привыкнет к нему. Князь осознавал, что он и сам отчасти виновен в создавшемся положении. Нужно было узнать об Ольге побольше, настоять на встречах, поговорить с ней. А он просто положился на её отца, который, видимо, заставил её выйти замуж за выгодного ему жениха. Михаил решил взять себя в руки и проявить терпение. С той ночи он больше не появлялся в спальне Ольги.

Днём Михаил старался чаще разговаривать с ней, обсуждал многочисленные хозяйственные вопросы, рассказывал о том, что происходит на княжеском дворе. Они вместе посещали церковные службы. Михаил подарил ей соболиную шубу, жемчужное и изумрудное ожерелья, прекрасные ткани, и что-то в её глазах стало оттаивать. Хотя жена по-прежнему держалась отчуждённо, чаще молчала, чем говорила, в душе князя затеплилась надежда, что всё постепенно образуется. Так прошёл месяц. До той злополучной ночи, когда Михаил решил, что настало время наладить супружескую жизнь. Последнее время жена всё чаще улыбалась ему, в её глазах уже не плескалась откровенная ненависть, она благосклонно, хоть и несколько свысока принимала его подарки. Михаил решительно подошёл к двери в её спальню, за дверью было темно и тихо. Взявшись за ручку, Михаил вдруг почувствовал сомнения, а вдруг своим неожиданным вторжением он напугает Ольгу и испортит всё, чего достиг за месяц. Он отпустил ручку, развернулся и вышел во двор. Князь понимал, что ведёт себя, как нерешительный юнец. Жар желания разливался в его крови, вот уже месяц с его свадьбы у него не было женщины. Устои не позволяли Михаилу, как женатому человеку, изменять жене, хоть та и отвергла его. Ему очень хотелось пойти в тот момент к ней, но он опасался, что если ему опять придётся взять её силой, ненависть вернется в её глаза. Чуть слышный шум отвлек его от мятущихся мыслей. Михаил замер, шум шёл из сарая в самом тёмном углу двора. В этом сарае были мастерская и склад сельхозорудий, Михаил был уверен, что ночью там никого быть не должно.

Разозлившись оттого, что кто-то осмелился забраться в его дом, Михаил быстро зажёл факел и неслышно заскользил к сараю. Теперь он уже слышал не только шум, но и шёпот. Перекинув факел в левую руку, он резким движением распахнул дверь в сарай. То, что он увидел, оглушило его, ему показалось, что сердце сжали раскалённые тиски, земля дрогнула под ногами так, что ему пришлось ухватиться за дверь, чтобы устоять. Его обнажённая жена страстно извивалась под каким-то светловолосым, смазливym молодчиком. Они резко вскинули головы к свету, и в глазах застигнутых любовников вспыхнул страх. Кровь ударила Михаила в голову, мир заполонила ярость. Как она могла! В то время, как он, как последний дурак, распинался перед ней, желая заслужить её уважение и любовь, мучался, ожидая, когда она сама захочет его, терпел её высокомерие, таскал ей подарки, она отдавалась молодчику, которого не захотел в зятя её папаша, она сделала князя Вереysкого рогоносцем! Боже, как они, наверное, смеялись над ним! Боль, обида, злость, ненависть вылились в отчаянное, яростное рычание, с которым Михаил кинулся на парня. Рывком отбросив жену к стене, он впечатал свой кулак в смазливую мордашку белокурого молодца. Кровь из разбитого носа брызнула во все стороны. Парень попытался защищаться, но второй удар поддых заставил его скорчиться. Михаилу хоте-

лось размазать эту мразь, осмелившуюся обладать его женой прямо в его доме, смешать его с грязью, в которой он валялся после очередного удара. Он бил и бил уже не сопротивляющееся тело, несмотря на истошные крики жены. До сих пор в ушах Михаила стоял её срывающийся на визг крик: «Оставь его! Не бей! Оставь! Не убивай! Он отец моего ребёнка!» Последняя фраза заставила Михаила схватить за волосы уже вялую фигуру, ещё секунда, и он свернул бы этому ублюдку шею. Шестым чувством он ощутил движение за спиной, резко отпрянул в сторону и почувствовал, как лезвие пропорол его плечо. Развернувшись, он увидел жену, которая снова кинулась на него с зажатым в руке тесаком и горящими ненавистью глазами. Эта сучка посмела вступить за своего любовника! Вскинув ногу, он выбил нож из её руки и с такой яростью отбросил её назад, что она пролетела через весь сарай и обрушилась на стол. Михаил услышал, как хрустнула её голова, с силой ударившись о верстак. Этот хруст морозом прошёл по его коже и привел в чувство. Тело Ольги медленно сползло на грязный пол, кровь из глубокой раны в голове растекалась жутко поблескивавшей лужицей. К сараю сбегались разбуженные шумом люди. В ужасе они замирали возле двери, осматривая побоище. На смену ярости пришло болезненное отрезвление. Медленно Михаил вышел из сарая, дворовые молча расступались, давая ему дорогу. «Уберите их», – бросил он, поднимаясь в дом. Ему казалось, что мир заволокло тёмной пеленой, потускнели все краски и звуки, застыло сердце, и холодное безразличие ко всему заполнило душу Михаила.

Так в один миг рухнули все мечты и чаяния князя Верейского. Как говорится, хочешь рассмешить Господа, расскажи ему о своих планах. Наверное, Бог и Сатана здорово посмеялись над ним. Великокняжеский гнев не заставил себя ждать. Конечно, Михаила не могли казнить за непреднамеренное, чему было много свидетелей, убийство уличённой в прелюбодействе жены. Но убийство княжны Миловской, дочери великокняжеского фаворита князя Миловского, не могло просто так сойти Михаилу с рук. Ему пришлось выплатить её семье огромную виру, что не мешало их ненависти ежедневно изливаться в его адрес. Любовник её, оказавшийся дружинником того же Миловского, выжил. Но новость эта уже не волновала князя. Ему была безразлична даже собственная участь. Косые, насмешливые, иногда сочувствующие, иногда брезгливые взгляды, которые бросали на него придворные, становились занозой, которая все сильнее впивалась в кровоточащую рану. В Москве он больше не мог оставаться. Уже давно Василий II подписал уставную грамоту, отдающую пермские земли в ведение князьям Верейским, но ни отец Михаила, ни младший брат Василий не желали пока покидать Москву и отправляться в глушь. Рано или поздно одному из князей Верейских все равно пришлось бы покинуть двор и в качестве наместника Московского княжества отправиться на Урал защищать верхнекамские земли, которые звались Пермью Великой, от набегов сибирского и казанского ханов и основывать крепкий форпост, так что Михаил решил, что, видать, судьба ему отправляться на Урал. После довольно скорых сборов князь, с заметным облегчением, покинул Москву.

Ещё раз окинув хмурым взглядом обоз, Михаил подъехал к их проводнику Прохору Назарычу. Им здорово повезло, что они смогли нанять его. Проводником Прохор был отличным, с ранней юности он водил торговые караваны по Каме и притокам, а теперь вот и по суше. Мужик он был весёлый, несмотря на внушительный вид его окладистой рыжей бороды, веснушки и озорные чёртики в карих глазах выдавали его добродушную натуру. Его шутки не раз разряжали тяжёлую атмосферу у костров и облегчали тяготы пути. Вот и сейчас он добродушно подтрунивал над полнотелой темноволосой девкой, едущей на телеге с большим узлом в руках: «Эй, Марфа, ты бы заднюю-то часть свою подвинула поближе к середке, а то, неровён час, перевернешь телегу, нам же тебя всем обозом придётся из грязи вытаскивать! А чтой-то ты в узел так вцепилась? Чай, перину для женихов бережёшь? Так не трудились бы, им с тобой и так мягко будет!» Дружинники довольно ржали, но затихли, едва завидев приближающего

князя. «Прохор, – от голоса Михаила веяло холодом, – людям нужен привал! Сколько нам добираться до подходящего места поблизости от воды?»

Прохор цепким взглядом окинул местность и указал вправо: «А вон, видите, Михаил Ермолаевич, та поляна у соснового бора? Там в бору, недалеко, озерцо есть, вода вкуснейшая! Там и остановимся, людям нужно привести себя в порядок, нам ведь до конца пути несколько часов осталось». Князь пришпорил коня, и весь обоз вслед за ним стал втягиваться на поляну. Михаил первым спрыгнул с коня. Прислушавшись и уловив едва слышный звук журчащей воды, Михаил взял пустые бурдюки и шагнул в лес. Ноги пружинили на мягком ковре прелой жёлтой хвои, иногда хрустели под ногами талой, ледяной корочкой островки снега. Свежий, напоенный весенними ароматами лесной воздух пьянил. Князь подумал, что ему до недавнего времени так редко выпадала возможность побыть в лесу, побродить, поохотиться всласть. Лес давал ему успокоение, притуплял боль его души. Он вдохнул полной грудью смолистый воздух и, увидев блики, играющие на озёрной глади, заспешил к воде. И вдруг замер, зачарованный открывшейся картиной. Над озером, в лучах солнечного света, стояла девушка. Бело-золотые волосы, выбившиеся из косы, окутывали её лицо солнечным ореолом, прекрасные бирюзовые глаза, опушённые длинными тёмными ресницами, казались лесными озёрами, вся её стройная, как у берёзки, фигурка в сером заячьем тулупчике и длинной светлой полотняной рубаше словно излучала свет. Она казалась бы совершенно неземным созданием, если бы не чувственный изгиб её губ и не крепкий лук за плечами, которые говорили, что она всё-таки существо этого мира. Михаил затаил дыхание, боясь спугнуть прекрасное видение. Вдруг тихое рычание заставило девушку повернуться в его сторону. Прямо на князя, злобно оскалив клыки, двигался волк. Михаил невольно попятился, напряжённо наблюдая за угрожающе ощерившимся серым зверем и нащупывая на поясе нож, но, услышав звонкий девичий голос: «Локи! Не трогай!» – волк остановился, повернулся и потрусил назад. Михаил вновь поднял глаза на девушку, и их взгляды встретились. В этот момент Михаилу показалось, что мир озарила яркая, ослепительная вспышка. Мир исчез, остались только её прекрасные глаза. В её пронзительном взгляде светились любопытство, сочувствие и такая доброта, что чёрная, ледяная глыба в его душе дрогнула. Михаил шагнул ей навстречу, хотел спросить, кто она, откуда, как её имя, как она здесь оказалась, – вопросы путались в голове, в горле стоял ком, мешавший говорить. Она улыбнулась, заметив его замешательство, тоже хотела что-то сказать, но голоса спешащих за водой людей разорвали соединение их взглядов. Девушка махнула рукой, от дальнего берега к ней метнулся ещё один волк, и втроём они скрылись в лесу. Михаил некоторое время стоял, словно оглушённый, слушая шум приближающихся людей, а потом побежал в ту сторону, где скрылась девушка. Ветки хлестали его по лицу, он метался из стороны в сторону, не зная, куда она могла повернуть. Девушка словно растворилась среди бесконечности высоких коричневых сосновых стволов. Осознав бессмысленность своей погони, Михаил от досады со всей силы ударил кулаком по ближайшей сосне и тут же погладил покорёженную кору, подумав, что ей это, наверное, не понравилось бы. Мысленно обозвав себя дураком, князь пошёл обратно к лагерю.

– Прохор! – взглядом отыскав рыжую голову своего проводника, Михаил заспешил к нему. – Ты в этих местах всех знаешь?

– Да вы что, Михаил Ермолаевич! Головой, никак, ударились, али напекло! Я в этих местах, почитай, уж несколько лет как не был, токо ради вас и пошёл, вы меня здорово в том трактире выручили, я вам отказать никак не мог, а люди – существа переменчивые, приходят, уходят. Старожилов многих знаю, а вам кого надо-то?

– Да понимаешь, Прохор, я тут у озера девушку необычную встретил, хочу узнать, кто она такая?

– Необычную, говорите? Чем же она необычная-то? Девки – они все одинакие, вся и разнища: у одной грудь больше, а у другой – задница. Лешачиху личо повстречали, иль вообще редкий случай – молодую Бабу-ягу?

– Тебе бы всё веселиться! – Михаил недовольно поморщился. – С волками она была.

– С волками? Девка? Это действительно странно! Что-то я о такой не слыхал. Да вы не сердчайте, Михаил Ермолаевич, приедем в деревню – поспрошаем! С волками-то они заметные! – Усмехаясь, Прохор начал выкладывать из узла нехитрую еду. – Вы лучше поешьте, оно на сытый-то желудок и мерещится меньше!

* * *

В деревню, которую местные жители называли Покчей, они прибыли только к вечеру. Заходящее солнце окрасило полнеба в багряно-алые тона. И на фоне этого великолепия поселение со старыми, почерневшими домиками и невысокой оградой выглядело убого. К своему удивлению, Михаил обнаружил, что, несмотря на убогость, окружающее уже не вызывало у него такого раздражения, как раньше. Ворота поселения открылись, едва обоз показался на дороге. Прохор хорошо делает свою работу. Михаил специально отправил его вперёд с несколькими дружинниками, предупредить о прибытии великокняжеского наместника. Местные жители высыпали на улицу, с любопытством разглядывая невиданное явление. Вереница тяжело нагруженных телег, окружённая конными дружинниками, медленно втягивалась в ворота посёлка. Князя Верейского встретил староста Исур. Делами городища он ведал давно, за хозяйством присматривал исправно, а потому в Покче его уважали. Пока челядь рассёдлывала лошадей и устраивалась на ночлег, староста пригласил князя с дружиной в дом. Там уже были накрыты длинные деревянные столы, запахи жареного мяса и браги кружили в воздухе. Дружинники оживились, рассаживаясь, но не приступали к еде, ожидая княжеского слова. Михаил поднялся: «Друже! – его гулкий голос разносился во все уголки этого длинного общинного дома. – Мы проделали длинный и тяжёлый путь! Я благодарен вам за то, что остались со мной! Мы пришли к намеченной цели, но это только полдела! Вы знаете, что земли эти беспокойны, а молва не стоит на месте! Скоро о том, что сюда явился наместник Московского княжества, станет известно во всех поселениях Перми Великой, и, будьте уверены, не сегодня-завтра сюда явятся жаждущие поживы отряды Сибирского или Казанского ханства. С нашим оружием, конями, привезённым добром мы представляем для них слишком лакомый кусок, чтобы им не захотелось его откусить! Поэтому нам нужна крепость, настоящая, с четырёхсаженными стенами, сторожевыми башнями и бойницами! Этим летом нам не успеть её возвести, поэтому в ближайшее время постараемся максимально укрепить ограду этого поселения и подготовиться к зиме. Думаю, за год найдётся и подходящее место для крепости. А сейчас отдыхайте, друже, но не теряйте бдительности! Мы с добром пришли на эту землю, так поднимем же чару за то, чтобы и эта земля была добра к нам!» Эхо голосов подхватило пожелание Михаила, застучали по столу опустошённые кубки, люди зашумели, принимаясь за еду. Михаил ел машинально, наблюдая, как веселеют лица его дружинников. За столом всё чаще раздавались смех и довольные повизгивания местных девок, разносящих блюда с мясом и рыбой. Князь заметил, что одна из них – статная, пышногрудая, темноволосая и кареглазая девица – постоянно оказывается рядом с ним и, ставя на стол блюда с едой, норовит задеть его то грудью, то плечом. Михаил усмехнулся над её попытками привлечь его внимание. Почему-то они оставили его совершенно равнодушным. Хотя в дороге пару раз он посматривал на дворовых девок с определённым интересом. Михаил не считал нужным соблюдать траур по жене, которая предала его, но связываться с бабами больше не хотелось. А сейчас всё казалось нереальным, подёрнутым дымкой, за которой сияли улыбкой бирюзовые глаза. Князь встряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения. Не хватало ещё увлечься неизвестно кем, хватило в его жизни

и одного увлечения. Разозлившись на себя, Михаил встал и, дав знак остальным продолжать застолье, вышел во двор. Полная луна освещала деревню бледным призрачным светом, слышались вдалеке чуть слышные голоса переговаривающихся часовых, которых он расставил по периметру поселения. Он поднял голову, и в сияющей россыпи звёзд вновь проступило нежное лицо, озарённое улыбкой. Чертыхнувшись, Михаил быстрым шагом направился к дому, где ему были отведены покои, решив выбросить из головы привидевшуюся ему девчонку раз и навсегда. Он был даже рад, что ему не представилось случая поинтересоваться ею, и надеялся, что больше её не увидит, хотя занозка любопытства всё-таки свербила в душе. Сейчас он должен все свои мысли и силы направить на выживание и обустройство своих людей в чужой для них земле. Князь поднялся на крыльцо и насторожился, когда от стены дома отделилась тень и шагнула ему навстречу. Присмотревшись, он узнал девушку, которая оказывала ему за столом знаки внимания. Девушка быстро подошла к нему и обхватила за шею жаркими руками. Всё-таки она была хороша: пухлые губы, аккуратный прямой нос, густые тёмные брови вразлёт, большие карие, горящие страстью глаза. Она потянулась к его губам, но Михаил с досадой ощутил, что его тело отказывается реагировать на столь горячий призыв. Взяв девушку за плечи, он немного отстранил её, она смотрела на князя с обидой и непониманием. Явно ещё не один мужчина не мог устоять перед ней. «Как тебя зовут?» – спокойный голос князя удивил её ещё больше. «Мара, русские Марией кличут», – девушка явно чувствовала себя не в своей тарелке. «Вот что, Мария, – Михаил провёл рукой по её густым волосам, – ты не сердчай, просто не вовремя ты подошла, мне нужно отдохнуть после тяжёлой дороги. Давай продолжим знакомство как-нибудь в другой раз?» Девушка неохотно кивнула. «А теперь иди домой, тебе тоже нужно отдохнуть, завтра всем нам предстоит много работы». Он мягко подтолкнул девушку, и она заспешила назад к дому старейшины, часто оглядываясь на стоявшего на крыльце Михаила.

И какого чёрта он её выпроводил?! Князь усмехнулся, вот бы поржали его дружинники, узнав, что их князь отказал женщине, сославшись на усталость. По их разговорам, воин должен быть всегда готов удовлетворить любую бабу, несмотря на усталость, ранения и различную степень опьянения. Князь хмыкнул, вспомнив хвастливый рассказ Прохора о том, как однажды во время зимней охоты он набрёл на коми-пермяцкое городище, все более-менее дееспособные мужчины которого вот уже две недели были на охоте в тайге. Дружинники так до сих пор и не решили, верить или нет тому, что Прохор, по его словам, за ночь удовлетворил десяток женщин в возрасте от 16 до 36 лет. Но шуток и хохм эта история породила немало. Улыбаясь своим мыслям, Михаил вошёл в дом, нашёл свою комнату с крепкой широкой кроватью, разделся, не зажигая свечи, и лёг прямо поверх цветастого лоскутного одеяла. Ему казалось, что, как только его голова коснётся подушки, он тут же заснёт, но перед глазами вновь и вновь всплывал светлый образ девушки у озера, её пронизательный взгляд бирюзовых глаз, отгоняя сон. Михаил попытался бороться с наваждением, думая о том, что предстоит сделать в ближайшее время, но только когда смирился и просто смотрел в стоящие перед его мысленным взором лучащиеся добротой глаза, сон наконец-то пришёл и окутал его мягким покрывалом. В эту ночь впервые после трагедии он не видел во сне залитый кровью сарай и горящие ненавистью глаза жены.

* * *

Последующие две недели были наполнены тяжёлым изнуряющим трудом. Наравне со всеми Михаил валил лес, шкурил бревна для новой ограды и дружинной избы, укладывал венцы на сруб, углублял ров вокруг городища. За топоры и лопаты взялись все: и дворовый люд, и дружинники, и сам князь. Все спешили укрепиться, обезопасить себя от набегов, а ведь надо было ещё и посевную успеть провести, пока не поздно, июнь уж на носу. Вот и брались за плуг и мужики и воины, вспарывали целинную землю, сеяли рожь, ячмень, овёс и просо, бабы

высаживали горох, репу, капусту и лук. Торопились: лето на Урале короткое, да зима длинная. Не успеешь всё сделать вовремя, придётся зимой, как медведю, лапу сосать. С восхода и до заката не утихали стук топоров, повизгивание пилы, весёлая переключка дружно работающих людей. Только после того, как крепко врос в землю новый частокол ограды, встали на место тяжёлые дубовые ворота и выросла посреди городища просторная дружинная изба с клетями и пристройками для дворового люда, Михаил разрешил дать себе немного расслабиться и выехать с десятком дружинников на разведку. Тем более, на этом настаивал и старейшина, проведать которого Михаил не раз заходил. Тот посоветовал проехать несколько вёрст южнее по берегу Колвы к Троицкому городищу у ручья Шор-дын, а потом переправиться на левый берег и пройти на восток к Искору. Да князю и самому хотелось проведать отданные на его попечение укрепления, ну и присмотреть место для новой крепости, да побольше разузнать о набегах зауральских и казанских ханов и об обычаях местных жителей. Михаил оставил в городище Степана, одного из своих самых опытных и верных десятников, присматривать за строительством бани, конюшен и загонов для скота, и приказал ставить каждую ночь не менее четырёх постовых, а сам, взяв с собой десяток Захара, двинулся в путь вдоль реки.

Тропа, бегущая по берегу, была чёткой, но довольно узкой, лошади двигались медленно, иногда слишком нависшие ветки приходилось обрубать. Местные жители явно ходили пешком, а лошадь была редко кому доступной роскошью. Михаил наслаждался вылазкой, ныли натруженные строительством спина и плечи, но на душе, впервые за последние месяцы, полегчало. Верно говорит народ: время и работа лечат любые раны. В воздухе разливался аромат разогретой солнцем зелени, речной бриз смешивался с густым, смолистым запахом леса, и эта смесь бодрила, прогоняла усталость и боль из измученного тела. Михаил ехал за Захаром и Никитой, прокладываящими путь и напряжённо вглядывающимися в каждый куст, как будто за каждым из них может скрываться если не ханский прихвостень, то, по крайней мере, медведь. Михаил краем уха слушал, как Захар подшучивал над Никитой, что если тот по-прежнему будет тыкать мечом в подозрительные кусты, то рано или поздно подколется какое-нибудь животное к ужину и выступит настоящим спасителем голодных дружинников, а потому советовал тыкать мечом чаще и энергичнее. Никита отмахивался от него, как от назойливой мухи, насупился, но занятие своё не прекращал. Парень был родом из южных степных земель, он и в Москве держался настороженно, а в тайге ему и вовсе опасность грезилась везде. Михаил поймал себя на мысли, что, прислушиваясь к дружеской перебранке, он снова думает о той девушке у озера. Он уже привык к тому, что мысли о ней не хотят оставлять его и что её образ время от времени встаёт перед глазами. Он так и не решился спросить ни у кого об этой незнакомке, побоялся показаться смешным и нелепым со своими рассказами о девушке с волками, а Прохор и подавно забыл в бесконечных делах о просьбе князя. Да и что он сделал бы, если бы узнал, кто она такая и где её можно найти. Что он может предложить ей? Любовь? Но он был теперь совсем не уверен, что тёмная, ледяная глыба, в которую превратилось его сердце, способна на любовь; предательство и вина, казалось, притягивают его плечи к земле, обесцвечивают мир вокруг. Брак? Но что она скажет, когда узнает, что одну жену, да к тому же беременную, он уже убил? Деньги и власть? Но какое же богатство и власть у сосланного в глушь, опального князька с дружиной из тридцати человек, который к тому же не уверен, что они вообще смогут пережить набеги и зиму? Ему нечего предложить ей, кроме себя самого!

Но вот в чём он был совершенно уверен, так это в том, что сам по себе он никому не нужен. Ни одна женщина никогда не признавалась ему в любви, их отпугивал его мрачный вид и тяжёлый взгляд, да он и сам понимал, что он отнюдь не златокудрый красавец, умеющий ухаживать и говорить красивые слова. А после того, как он убил жену, которая, в сущности, была виновата лишь в том, что не любила его, Михаилу пришлось взглянуть правде в глаза, вряд ли найдётся женщина, которая полюбит его просто так. Конечно, находились женщины, желавшие разделить с ним постель в расчёте на княжескую благодарность. Михаил дарил им золотые

монеты, украшения или ткани. И только видя, как вспыхивают их глаза при виде подарка, всякий раз с горечью убеждался, что ни у одной они не вспыхнули так при виде самого князя. Вот и Мария пытается залезть в его постель, рассчитывая на его щедрость. Михаил видел, каким жадным взглядом она осматривала сундуки в его новой светлице в дружинной избе. Может, и княгиней рассчитывает стать, только ему самому всё это осточертело, и больше он не намерен повторять опыт с женитьбой, чтобы потом снова застать жену в сарае с каким-нибудь красавчиком, гуляющую от нелюбимого мужа. Нет уж, хватит, больше он подобной ошибки не совершит. Так что незачем ему искать девушку, не на что ему рассчитывать, а может, она уже чья-то жена или возлюбленная, значит, незачем и допускать какие-либо мысли и надежды. Пусть она останется просто светлым воспоминанием. Михаилом вновь овладело обычное мрачное настроение, и он начал подгонять едущих впереди Захара и Никиту.

К вечеру они доехали до Троицкого городища. Солнце опускалось за горизонт, окрашивая весь мир оттенками красного: розовой лентой струилась Колва, семь холмов, на которых стояло городище, казались алыми, а потемневшее от старости дерево ограды селения стало бордовым. Острова ухоженных полей оттеснили лес далеко от холмов, и поэтому вид городища оказался довольно величественным. Михаил долго рассматривал открывшуюся ему картину, а потом произнёс: «А неплохое место для укрепления!»

Дружинники загалдели, переговариваясь, им тоже понравилось это место, а потом поскакали вслед за князем к воротам ограды. После довольно долгих переговоров и объяснений, кто они такие и зачем пожаловали, ворота все же открыли и провели их в избу к старейшине.

Старейшина оказался седым старцем с проницательными и умными глазами. Он внимательно следил за тем, как его гости поели и начали расходиться на отведённые им для сна места. И только когда они с Михаилом остались наедине, спросил:

– Зачем вы явились на наши земли?

– Мы ведь люди подневольные, – пожал плечами Михаил, – послал Великий князь, вот и пошли.

– Ну-ну! – Старик кивнул.

– Вам ведь тоже выгодно наше присутствие, умелые и сильные воины ещё никогда не были лишними, а тут, говорят, разбойнички хана Асыки балуют?

– Так-то оно так, – вздохнул старейшина, – защита нам не помешает, только ведь у защитников свои цели могут быть, с нашими не совпадающие... – Он взглянул Михаилу в глаза. – Чего вы хотите? – раздался его прямой вопрос.

– Выжить! – так же прямо ответил Михаил.

Ответ старику явно понравился. Он улыбнулся и похлопал Михаила по плечу.

– Ну, тогда нам по пути, сынок. А разбойнички ханские нынче явятся. Они ведь бестии хитрые, вот уже два года не нападали, дают, черти, жирок нарастить да запасов подкопить, чтоб потом разом стряхнуть с нас поболее. Мы вот каждое лето за рекой сторожевых ставим, да не всегда им нас упредить удаётся, иногда смерть их быстрее настигает.

– Батя! – Михаил не знал, как подступиться к интересующей его теме. – Как ты смотришь на то, что мы здесь настоящую крепость построим?

– Потеснить старика хочешь? – старейшина хитро прищурился. – Да ладно, давно пора дела в другие руки передавать, староват я, как и городище наше, только вот с сынками моими посоветоваться надо, они на это своё мнение иметь могут. Но и они в одиночку добрую оборону организовать не смогут, слишком многих ребят мы два года назад потеряли, а новые воины ещё не выросли. Да и какие мы Московскому княжеству противники!? Мы с тобой, князь, к этому вопросу ещё вернёмся, а сейчас иди почивай, утро-то, оно вечера мудренее!

Старик тяжело поднялся, и Михаил, проводив его взглядом, тоже пошёл укладываться спать. Хитёр старик: не хочется ему власть передавать, но и открытого неповиновения не выка-

зывает, хочет, чтобы и волки сыты, и овцы целы, Михаил хмыкнул – посмотрим, что у старика получится.

* * *

С утра княжеский отряд переправился через Колву и уже к вечеру добрался до Искорского городища. Ворота открыли сразу, их явно ждали, молва о прибытии московского наместника разнеслась быстро. Городище было крупное, больше, чем Троицкое или Покча, да и русских в селении было больше, чем коми-пермяков. Командовал всеми статный светловолосый парень, Ефим, с открытым, твёрдым взглядом голубых глаз. Михаилу он сразу понравился, чувствовалась в городище мудрая, хозяйская рука. Парень смутился под тяжёлым, непроницаемым взглядом княжеских глаз, когда его попросили представиться. Сказал, что называют его здесь воеводой, хотя воев у него всего два десятка, да и те больше обучены ножами да вилами махать, чем мечом. Отец его, старейшина, помер два года тому назад, а Ефим для такого звания молод ещё, вот и зовут воеводой. Михаил улыбнулся и ободряюще похлопал парня по плечу: «Знать, судьба тебе воеводой быть, будешь здесь теперь моим воеводой и наместником, я тебе двоих своих дружинников осправлю, будут тебя и твоих воев боевому мастерству обучать». Михаил махнул Захару, и тот быстро принёс дорожный мешок князя. Михаил запустил в мешок руку и достал оттуда меч в серебряных ножнах с бирюзой в рукоятке: «Вот, прими, Ефим, своё назначение и княжеский дар и принеси клятву верности своему князю». Глаза парня при виде меча вспыхнули такой неподдельной радостью и восторгом, что Михаил понял, что приобрёл ещё одного верного человека. Достав клинок из ножен и, полюбовавшись, как свет играет на отточенной стали, Ефим опустил на одно колено и, склонив голову, пылко поклялся своему князю в верности. Они ещё долго сидели, обсуждая положение Пермской земли и необходимость её объединения, прежде чем разошлись спать. А рано утром отряд Михаила двинулся кратчайшей дорогой назад к дому. По дороге они заметили прекрасного крупного лося и не удержались, решили загнать животное. В итоге охота и разделка лося затянулись до вечера, и они заночевали на небольшой поляне у ручья. Наутро, довольные удачным походом и охотой, дружинники споро двинулись к Покче с мешками, набитыми мясом, спеша похвастаться перед друзьями. Они уже приближались к переправе, когда Никита резко остановился и втянул ноздрями воздух. «Дым! Чувствуете?» – его голос звучал настороженно. Отряд замер, все прислушивались и принимались. В воздухе действительно всё отчётливей пахло дымом. «Лес горит?» – спросил Захар. Никита отрицательно покачал головой. «Нет, скорее Покча, чувствую, мясом горелым пахнуло». Дружинники вцепились в удила, готовые сорваться с места и понестись напролом к Покче, но Михаил остановил их. «Идём в обход, переправимся чуть дальше от Покчи, чтобы нас не заметили и не перестреляли во время переправы, обойдём и ударим с тыла», – приказал князь. Они свернули с тропы, ведущей к переправе, и поскакали вдоль реки напролом по чащобе. Ветки хлестали Михаила по лицу, копыта коня путались в папоротнике, хвоще и низкорослом кустарнике, и всё же, прижавшись к конской спине, он всё погонял и погонял Снежка.

Они выскочили на берег Колвы и сразу направили лошадей в воду. Река здесь была гораздо глубже, чем на переправе. Лошади уже не доставали копытами дна, плыли, высоко задрав морды с хищно раздутыми ноздрями. Они тоже чуяли запах дыма, тонкой струйкой стелившегося по реке. Вода была ещё очень холодной, впитывалась в одежду, утяжеляя всадников, спину сводило судорогой холода, Михаил облегчённо выдохнул, выбравшись на берег, и, не дожидаясь остальных, рванул к городищу. Оттуда доносились по воде звуки битвы: улюлюканье, крики, звон металла, глухие тяжёлые удары. «Выбивают ворота, гады! – подумал Михаил. – Успеть бы до того, как проломают!» Князь уже нёсся во весь опор через лес, впереди забрезжил свет, деревья кончались. Отряд подскакал к кромке леса и остановился по знаку

князя. Вид открывался безрадостный: Покча местами горела, больше сотни всадников на низкорослых лошадях, круглолицых, узкоглазых, с кривыми мечами и луками в руках носились вдоль ограды, закидывая в городище горящие факелы, улюлюкая и пуская стрелы. Со стен на них лились кипяток и смола, сыпались стрелы, но лошадки нападающих оказались довольно юркими, ловко отскакивали подальше от опасных стен, а наездники умело заслонялись от стрел круглыми деревянными щитами, у некоторых обтянутыми кожей. Несколько пеших налётчиков в это самое время с разбегу ударили бревном в тяжёлые ворота, раздался характерный треск, который донёсся и до отряда Михаила. Одна створка сошла с петель, и нападающие устремились в открывшуюся брешь. Михаил подал знак отряду и рванул с места, его отряд летел прямо в тыл сгрудившимся у ворот налётчикам. Воинственный клич княжеских дружинников заставил разбойников разворачивать лошадей в их сторону. В городище, видимо, тоже ждали хлынувших в ворота налётчиков и начали теснить их обратно за ограду, где уже всюю орудовал мечами отряд князя, внося сумятицу. Разбойникам приходилось защищаться с обеих сторон, в тесноте, мешая друг другу. Михаил сражался с яростью, казалось, всю боль и гнев, накопленные в его душе, он вкладывал сейчас в удары своего меча. Он рубил, колол, его меч с визгом рассекал воздух, отрубая руки, головы, вонзаясь в неприкрытые сталью тела, скрещивался с кривыми клинками так, что летели искры. До него доносились радостные крики дружинников, узнавших о прибытии своего князя и начавших с ещё большим воодушевлением теснить разбойников из городища. Зажатые с двух сторон налётчики ринулись отступать и на мгновение разорвали отряд Михаила. Князь оказался окружён сразу пятерыми разбойниками. Не раздумывая, Михаил всадил меч в грудь ближайшего к нему налётчика, отклонился от летящего на него кривого меча, выхватил левой рукой из голенища нож и вонзил в горло разбойника, заходящего слева. Трое оставшихся напали одновременно. Князь отразил меч одного, уклонился от другого, но третий всё же достал его, Михаил почувствовал, как меч, разрубив звенья кольчуги, входит в плечо. Он тут же дёрнул поводья, и конь, взвизывая на дыбы, отбросил нападавших. Ощувив, как немеет правая рука, Михаил перебросил меч в левую и рубанул сверху крайнего нападавшего так, что его тело отлетело на несколько метров. Второго он ударил плашмя, действуя мечом как дубиной, всё-таки левой руке не хватало сноровки, приходилось работать проще, но вкладывая больше силы, последнего нападавшего просто смели дружинники, вылетевшие из ворот городища. Разбойники отступали, кидались в воду, стремясь как можно быстрее переправиться, сбегать от жалящих в спину стрел и преследующих их разъярённых дружинников. Михаил командовал Захару возглавить преследование, а сам направился в городище, попутно дав указание запереть понадежнее оглушённого им разбойника. Плечо нещадно ныло, и Михаил спросил, есть ли в селе лекари. Ему ответили, что за знахаркой уже послали, скоро доставят.

«Сколько погибших и раненых?» – спросил князь у подбежавшего к нему запыхавшегося Степана. «Наших трое да деревенских семь человек погибли, а раненых много, человек шестна... – тут десятник заметил окровавленное плечо Михаила. – Семнадцать», – закончил он, сочувственно глядя на князя. Князь поморщился: «Доставят лекарку, пусть сначала займётся моими людьми, ко мне пошлёт в последнюю очередь». Князь тяжёлым взглядом оглядел разрушения. Дружинная изба, слава Богу, стояла, сгорели пара сараев с сеном, которое вспыхнуло мгновенно, и новая конюшня. Судя по запаху, скот успели вывести не весь, часть животных сгорела. «Да, Степан, распорядись, пусть, кто поздоровше, займутся воротами, к ночи они должны быть отремонтированы, кто этих чертей узкоглазых знает, может, вернуться под покровом ночи мстить». Михаил тяжело поднялся на крыльцо и прошёл в кухню дружинной избы, зачерпнул ковшом из глубокой деревянной кадки чистой родниковой воды и жадно припал к живительной влаге. На душе было мутно, вот опять трое его людей погибли из-за того, что он чего-то не учёл, не проверил, как укреплены ворота, не обучил людей как следует, последнее время был слишком занят собой и своими переживаниями. Прямо с завтраш-

него дня нужно будет возобновить тренировки с дружинниками. Плечо болело всё сильнее. Михаил медленно, стараясь не двигать раненой рукой, стянул через голову кольчугу, распоротая ткань белой льняной рубахи прикипела к краям рваной раны. Князь решил пока рану не трогать, нужно будет попросить кого-нибудь отрезать рукав, левой рукой действовать было не сподручно. В сапогах всё ещё хлюпала вода, раздражённо Михаил стащил их левой рукой и отбросил в угол кухни. Босиком он снова вышел на крыльцо, да так и остался стоять, ошеломлённый. По его двору шла та самая девушка, которую он видел у озера. В длинной вышитой по краю рубахе, подпоясанной толстым кожаным ремнём, с которого свисали охотничьи ножны, деревянная фляжка и множество разноцветных мешочков, с перекинутой через плечо тяжёлой русой косой и небольшой холщовой сумкой в руке. Она подошла к лежащему на дворе раненому дружиннику, присела, осматривая его рану на бедре, достала нож и ловко распорол штанину, обнажая окровавленное сечение, что-то сказала бегавшей по двору веснушчатой девчонке, та быстро принесла таз с водой и чистую тряпицу. Девушка промыла рану, дала воину что-то глотнуть из фляжки, достала из одного мешочка иглу с ниткой, ножницы и начала ловко зашивать глубокую рану, дружинник постанывал, но терпел. Завязав узелок, девушка достала из сумки туесок, черпнула оттуда какой-то мази, густо смазала рану и крепко забинтовала полоской чистой льняной ткани. Ободряюще улыбнувшись раненому, она подошла к следующему бойцу с сильным ожогом. Михаил не мог оторвать от неё глаз. Он уже давно забыл про своё ноющее плечо, забыл, зачем вышел на крыльцо. Как замороженный, он наблюдал за её ловкими пальчиками, за тем, как меняется её лицо при взгляде на раны, сочувствие, сострадание, нежность, одобрение делали её лицо таким живым, таким искренним, что Михаил почувствовал, как сжимается что-то в его груди и заполняет душу чистая радость оттого, что он снова видит её, что вот она, рядом, живая, реальная. Девушка всё-таки почувствовала его пристальный взгляд и подняла глаза. На мгновение Михаилу показалось, что в них вспыхнула радость, но она мгновенно сменилась озабоченностью и тревогой, девушка увидела его пропитавшийся кровью рукав. Что-то наказав лежащему воину, она подхватила сумку и направилась к крыльцу. Раненые воины провожали её восхищёнными взглядами. Михаил вдруг смутился, он не знал, куда деть руки, что ей сейчас сказать. Девушка подошла к нему, поклонилась и подняла на него взгляд, её большие бирюзовые глаза оказались так близко, что Михаил совсем растерялся. «Что же вы, князь, стоите, вы же ранены, пойдёте, присядете, я осмотрю вашу рану», – её нежный, пленительный голос наконец вывел Михаила из ступора, и, кивнув, он последовал на кухню. Она по-хозяйски усадила его на стул, и князь вздрогнул от прикосновения её пальцев. Девушка намочила прилипший к ране рукав и аккуратно, ножом, стала его отпарывать. Пытаясь отвлечься от тёплых пальцев, аккуратно придерживавших его руку, Михаил наконец произнёс: «Кто ты? Почему я не видел тебя в деревне раньше?» Девушка улыбнулась, и в её глазах заплясали озорные искорки. «Меня зовут Лилия, мой князь, я травница и лекарь, а в деревне я редко появляюсь, только если требуется моя помощь».

– Лилия? Какое необычное имя.

– Да, матушка, очень водяные лилии, купавы, любит. Говорит, что они символ красоты, здоровья и беззаветной любви. А окрестили меня Лией, так жену ветхозаветного Иакова звали.

– Так ты ещё и христианка? Интересно! А где же ты живешь?

– Мы с матушкой живём в лесу у Волчьего камня, место довольно неприметное, но очень красивое!

– А не боитесь жить одни в лесу?

– Чего ж бояться? Лес – он добрый, не то что люди, кормит нас, поит, одевает...

– А кочевники?

– Локи и Тор обычно предупреждают об их приближении, мы прячемся, но и кочевники не нападают, кому нужна старая одинокая избушка, да с нас и взять-то нечего.

– А Локи и Тор что, твои ухажёры? – Звонкий смех девушки наполнил кухню хрустальным звоном, заставляя сердце князя биться чаще.

– Можно сказать и так, бывает, они за мной ухаживают, правда, как-то по-своему, по-волчьи.

– Так это ты своих волков так назвала? И откуда лесная жительница знает имена варяжских богов?

– Очень интересная книга попалась о викингах, я её несколько раз перечитала! Там написано, что бог грома Тор ездил на колеснице со скипетром, увенчанным цветком лилии, представляете?

– Ты умеешь читать?! Удивление на лице князя было таким неподдельным, что невольно вызвало у Лилии новые переливы смеха.

– А, кстати, где сейчас твои волки?

– Локи и Тор не любят заходить в селение, чувствуют, что их здесь боятся и желают им зла, потому и ждут меня за оградой. Бедные, нелегко им там сейчас приходится, дружинники ваши все кусты вокруг городища прочёсывают, а мои парни пытаются не попасться им на глаза.

– Знаешь, я твоему «парню» тоже едва ли обрадовался, а уж зла точно пожелал, когда он выпрыгнул прямо передо мной у озера. – Лилия снова засмеялась.

– Ничего, Локи не в обиде, он увидел в вас достойного противника!

– Правда? – У Михаила потеплело на душе, хотя он и понимал, что глупо радоваться тому, что девушка считает его достойным противником своему волку.

– А где ты вообще взяла этих волков? – Лилия с нежностью в голосе начала рассказывать, как нашла и выходила своих волчат. Михаил слушал, как журчит её голос, и чувствовал её дыхание у своей шеи, ощущал, как бережно её пальцы зашивают его рану, старательно, боясь причинить малейшую боль. Тепло девушки, её запах, запах молодой хвои и цветущего шиповника окутывал его пьянящим облаком. Несмотря на ноющее плечо, Михаил никогда ещё не чувствовал такого блаженства и такого волнения. Ему так хотелось дотронуться до неё, провести рукой по золотым волосам, почувствовать под пальцами нежную кожу лица, прижать её к себе и не отпускать больше никогда. Желание дотронуться до неё было таким сильным, что Михаилу пришлось до боли вцепиться в подлокотники стула, чтобы сдержать свой порыв.

– Князь, расслабьте, пожалуйста, руку, вы же навредите себе, я только что зашила вам рану, шов может разойтись! – И девушка ласково погладила его забинтованное плечо. Этого Михаил вынести уже не смог, он вскочил, опрокинув стул, и сердито посмотрел на Лилию.

– Ты закончила? Всё, можешь идти, тебя там наверняка ждут ещё раненные, – и, резко развернувшись, твёрдым шагом вышел из кухни. Лилия ошеломлённо и обиженно смотрела в пустой проём двери. И что она, правда, раскудаhtалась так над ним, как наседка над цыплёнком, начала болтать, как сорока. Надо же! И ей показалось, что ей необыкновенно хорошо рядом с этим надутым бирюком! А он даже не поблагодарил её! В самом нищем жителе этой деревни признательности больше, чем в этом заносчивом князе! Вдохнув, она собрала свою сумку и направилась к дверям. «Стой! – окрик князя заставил её обернуться. – Держи!» Что-то мелькнуло в воздухе, и Лилия рефлексивно это поймала. «Что это?» – Она раскрыла ладонь, на которой сверкала золотая монета. Она подняла на князя полные ярости и обиды глаза и произнесла: «Мне этого не нужно. – Монета снова взмыла в воздух по направлению к князю, и Михаил поневоле её перехватил. – Достаточно было просто сказать спасибо. – Князь покраснел, но так и не смог выдавить из себя ни слова. – До встречи, князь!» – Лилия поклонилась и вышла во двор. Во дворе было пусто, всех раненных уже разнесли по домам, кто-то ушёл сам. Смеркалось, и Лилия поспешила к выходу из городища. Она хотела попасть домой до темноты и потому быстро скользила по лесной тропинке. Из чащи сразу вынырнули Тор и Локи и побежали рядом, но даже лесные братья не радовали её сейчас. В душе кипели боль и обида. Ну вот что она нашла в этом грубом мужлане?! Почему позволила себя обидеть? Почему оказа-

лась незащищённой от его грубости? Она ведь уже привыкла, что её обижают, и ведьмой её обзывали не раз, и колдуньей, и лешачьим выродком, но грубость и оскорбления проходили мимо её сознания, не трогая души, но почему-то пренебрежение именно князя резануло болью. Лилия понимала, что сама виновата в том, что впустила этого бирюка в своё сердце. Она ведь редко ошибалась в людях, и там, у озера, когда она увидела князя впервые, ей показалось, что он добрый, только душевно израненный и ошетилившийся. Видать, непростые были у него времена. Она увидела в его глазах боль и восхищение. Этот взгляд так запал ей в душу, что Лилии захотелось эту боль хоть немного умерить, утешить его, оставить в его взгляде только восхищение. Девушке показалось, что она очень понравилась ему, и при виде её волков в его лице не появилось и тени испуга, только настороженность. Лилии так хотелось взглянуть на него ещё раз, что несколько раз подходила к селению и из-за деревьев наблюдала, как идёт строительство. Она высматривала фигуру князя, видела, как он плавно ходит от одной группы к другой, так ходят только опытные воины, отдавая распоряжения, как сам берётся за топор, шкурит брёвна, лезет на стропила, как устало расправляет плечи. Она отметила, что, пожалуй, первое впечатление было правильным, она ни разу не видела, чтобы князь кричал на кого-нибудь, но и не видела, как он улыбается или смеется. Видно, крепко засела в душе князя какая-то заноза, которая мешает ему радоваться жизни, а может, он просто расстроен, что его отправили сюда от великокняжеского двора, может, он тяготится своим назначением, может, у него в Москве осталась возлюбленная или жена. Опять же, жену или невесту взял бы с собой, коли переселился вместе со всем двором. Таилась в князе какая-то загадка, которая влекла Лилию, она ловила себя на мысли, что довольно часто думает о московском наместнике, пытаясь разрешить загадку его пылающих болью глаз. Она даже пыталась представить себе, как он улыбается, как расправляется хмурая складка на лбу, а в уголках глаз появляются смешливые морщинки. Вот сегодня, увидев его на крыльце так близко, обрадовалась, как дурочка, а потом испугалась, заметив его рану. У неё даже руки подрагивали, когда зашивала оставленное тяжёлым кривым мечом глубокое сечение, сердце болело от сознания, что она тоже причиняет ему боль, а голова кружилась от его близости, ей так хотелось погладить его, что она не удержалась и провела несколько раз ладонью по напряжённому плечу. Вот и нарвалась на грубость. Что она себе возомнила? Его явно раздражала опека дремучей лесной девчонки, и он поспешил избавиться от неё, швырнув на прощание монету. У Лилии загорелись щёки. Господи, как же она так ошиблась?! Она знала, что раздражает местных жителей, почему же она решила, что московские гости будут относиться к ней по-другому. Ещё раз обозвав себя дурочкой, Лилия решила выкинуть грубого князя из головы и относиться к нему так же, как и ко всем больным.

* * *

Идти в деревню Лилии не хотелось, но необходимо было сменить раненым повязки, смазать раны свежей лечебной мазью, поэтому Лилия медленно, но всё-таки собиралась на выход. Мать заметила её необычную медлительность и хмурость, начала выпытывать, не случилось ли чего. Пришлось признаться, что не поладила с новым князем, а из-за чего, девушка так и не смогла сказать. Ну что ей было сказать, что обиделась из-за того, что ей заплатили за работу, так это вроде нормально, они с матушкой часто брали за своё врачевание и продукты, и ткань, мелкие монетки, а иногда и по хозяйству просили пособить. Как ей было объяснить матери, что почему-то именно у него она не может взять деньги, не может, и всё тут! Тем более брошенные таким способом, как нищенке, лишь бы отвязалась! При воспоминании об этом у Лилии снова загорелись щёки, она перевела дыхание, чтобы успокоиться, и, даже не попрощавшись с матерью, вышла на крыльцо. Денёк был под стать её настроению, серые тучи нависли над макушками елей, противно моросило, и девушка поспешила побыстрее преодолеть дорогу до деревни. Тору и Локи тоже не улыбалось бежать в такую погоду по сырости в ненавистную им

деревню, но бросить свою подругу они не могли, потому обречённо трусили следом, время от времени отряхиваясь и фыркая.

Дождик остудил пепел пожарища, прибил дымки к земле, и о вчерашнем огне напоминали только чёрные пятна на земле и несколько обугленных брёвен. Людей на улице было немного, народ восстанавливал силы после вчерашней драки. К раненым Лилии пришлось войти в дружинную избу. Здесь она тут же окунулась в гул голосов, перекрестье взглядов, запахи кожи, железа и свежесваренных щей. Она почему-то боялась поднять взгляд и увидеть князя, поэтому сразу прошла в угол, где расположились раненые, и принялась за работу. Дружинникам девушка явно нравилась, они тут же начали подшучивать и выпытывать, кто она такая, где живет да с кем? Причём последний вопрос их волновал больше всего, тут же выяснилось, что среди раненых дружинников немало одиноких, которые только и мечтают о том, чтобы обрести подругу жизни, которая бы скрасила им пребывание в этом богом забытом месте. Они интересовались, не умеет ли Лилия лечить влюблённое сердце или воспламенившуюся душу, куда и какие примочки нужно сделать, чтобы охладить страсть? Их грубоватый юмор и привычное дело успокоили Лилию, она улыбалась и охотно отвечала на вопросы о себе, рассказала, что живёт с матерью в лесу, в деревне бывает редко, охотится и рыбачит одна. Дружинники тут же уверили её, что отныне она под их защитой, хотя девушка и пыталась убедить их, что в защите не нуждается, и вменили ей в обязанность показать им рыбные и охотничьи места, как новичкам в этом краю. Ей было легко с ними общаться, дружинники были явно не так суеверны, как местные жители, их не пугали ни её одиночество, ни её познания в травах. Скоро её мелодичный смех стал разноситься по всей избе, и местные девки ревниво косились в сторону раненых, справедливо полагая, что эта болотная чертовка может охмурить их лучших мужиков.

Михаил заметил её появление сразу же, как только она вошла, напрягся, ожидая её взгляда: обиженного? рассерженного? равнодушного? Разочарованно опустил плечи, когда Лилия не захотела даже посмотреть на него, и теперь напряжённо вслушивался в перешучивания дружинников и мелодичные ответы девушки, наблюдал исподлобья, как розовеет её лицо от похвалы, как вспыхивают искорки смеха в её глазах, чувствовал, как наваливается тяжесть осознания, что свет, который она излучает, – не для него. Он сам, своей яростью проклял свою жизнь, князь-женоубийца, он представлял, что о нём могут рассказать обозные кумушки. А в общем-то, ему всё равно, всё равно, и всё же он ревниво следил, не окрасится ли её лицо особой нежностью в разговоре с каким-нибудь его наёмником, и ждал, когда она подойдёт к нему. Когда Лилия наложила последнюю повязку и встала, Михаил вдруг тоже резко поднялся, лавка, на которой он только что сидел, с грохотом рухнула на пол. Лилия вздрогнула и обернулась, на встревоженном лице недоумение, дружинники тоже повскакивали. Многочисленные взгляды схлестнулись на Михаиле, и он почувствовал себя полным идиотом, которому только детей пугать. В раздражении пнув несчастную лавку, он вышел из избы, не проронив ни слова, и хлопнув дверью. «Что это с ним?» – Лилия всё-таки озвучила вопрос, висевший в воздухе. «Видать, всё ещё переживает смерть жены», – пробурчал Иван, дружинник с ранением ноги, укладываясь обратно на лавку. Его тут же одёрнули, обсуждать князя не полагалось. У Лилии полыхнули щёки. «Господи! Вот откуда эта боль в его глазах, эта мука, как же нужно любить женщину, чтобы так страдать из-за её смерти!» Сердце болезненно сжалось, но князя всё-таки нужно было найти и поменять повязку. Лилия вежливо попрощалась с дружинниками и вышла на улицу. Спросила у Авдотьи, грудастой темноволосой пермячки, набиравшей воду из колодца, не заметила ли та, куда ушёл князь. «Да, видала, злющий такой, прошёл по тропе, кажись, к реке, вон туда за ограду», – она махнула рукой по направлению к речке. Лилия вышла за ограду и по скользкой тропинке двинулась вниз. Дождик уже не моросил, но было по-прежнему пасмурно. Справа зашуршали кусты, Тор и Локи присоединились к хозяйке. Осторожно ступая, чтобы не поскользнуться, девушка вышла к воде. Отсюда и почти до середины реки шли

мостики, добротные широкие доски, уложенные на крепкие лиственные сваи, к которым сейчас было привязано несколько лодок, тихо покачивавшихся на подёрнутой рябью хмурой воде. Князь стоял на самом краю мостков, застыл, угрюмо глядя в тёмную воду. Лилия невольно залюбовалась его мощной фигурой, даже сейчас, несмотря на его мрачный вид, от него веяло силой и теплом. Она никак не могла решиться вступить на доски, сделать шаг навстречу этой одинокой фигуре, перевела дыхание, и он услышал этот тихий выдох, обернулся, брови, итак сведённые, нахмурились ещё больше.

– Зачем ты здесь? – Его голос больно резанул Лилию, но она всё-таки шагнула на мостики и приблизилась к Михаилу.

– Князь, разрешите осмотреть вашу рану.

– Мне не нужна твоя помощь, уходи! – он раздражённо повёл плечами.

– Простите, князь, я, конечно, глубоко сочувствую вашей скорби, но рану перевязать всё же надо, если не сменить повязку, то рана может воспалиться. Присядьте, пожалуйста, а то я не дотянусь.

Михаил ошеломлённо посмотрел на неё и машинально присел на мостики.

– Какой скорби ты сочувствуешь?

Лилия смутилась, она явно завела разговор о том, о чём он говорить не хотел. Чтобы чем-то занять руки, она тут же стала разматывать вчерашнюю повязку.

– Так чему же ты сочувствуешь? – Михаил напряжённо всматривался в её зардевшееся лицо.

– Ну, вы же потеряли жену.

– Потерял?! – Выражение лица князя стало ещё более ошеломлённым.

Удивление князя заставило Лилию засомневаться, вдруг она что-то не так расслышала.

– А что, у вас не было жены?

– Почему не было? Была.

– Ну вот, я услышала, что у вас умерла жена, простите, если затронула болезную для вас тему.

– Умерла?! – Голос князя показался Лилии всё-таки каким-то странным. – А как умерла моя жена, ты случайно не слышала?

– Нет. А как? – Она вопросительно посмотрела на Михаила, тот замешкался. – Простите, я не имею права лезть в ваши дела. Я вижу, вам тяжело говорить об этом.

Михаил хотел сказать ей, крикнуть, что он сам, своими руками убил свою жену, должен был сказать, но не мог. Язык отказывался повиноваться ему. Он понял, что боится, боится увидеть ужас и омерзение в её глазах, он не хотел, чтобы она отшатнулась от него в страхе. Столько раз он видел подобные взгляды, и ему было всё равно, ему было безразлично, что о нём подумают, но не в этот раз. Пусть ещё немного она побудет в неведении, пусть ещё немного он будет чувствовать прикосновение её нежных рук к своему плечу, ещё чуть-чуть он посмотрит в эти лучащиеся заботой прекрасные глаза. Она все равно узнает, рано или поздно кто-нибудь расскажет ей, что за человек князь. Рано или поздно, но не сегодня.

Плечо Михаила было уже перетянута свежей тканью, которая пахла травами и едва различимо цветущим шиповником. Лилия уложила старую повязку в сумку и поднялась.

– Мне пора, темнеет уже, старайтесь пока поменьше двигать правой рукой, я приду через пару дней проверить, всё ли в порядке. – Она плавно двинулась вдоль мостков к берегу.

– Лилия! – Он не мог смотреть, как она уходит, и не знал, как это у него вырвалось:

– Я тебя провожу! – Её брови удивленно поднялись.

– Вообще-то у меня есть провожатые.

– Кто? – нахмурился Михаил. Она тихонько свистнула, и из прибрежного куста показалась взлохмаченная и оскаленная голова волка, которого явно оторвали от пожирания чего-то очень вкусного.

– А?! И всё-таки в окрестностях ещё могут бродить кочевники, так что я пройдусь с тобой. – Он не хотел признаться даже самому себе, что ему хочется побыть с ней ещё немного.

– Ну, если вам не трудно, то пожалуйста, – Лилия улыбнулась, и в груди Михаила сладко защемило от этой улыбки.

Лилии вдруг стало так радостно оттого, что он попросился провожать её, что он идёт рядом, такой сильный, такой красивый, ей даже хотелось петь, но она постеснялась. Эта её бьющая через край радость вылилась в бесконечную болтовню о погоде, о лесе, который она так любила и знала в нём каждый кустик, о матери и о книгах. Она всё говорила и говорила, а князь смотрел на неё почти безотрывно и, в ответ на её вопросы, только утвердительно кивал или отрицательно качал головой. Ей хотелось рассказать о себе всё и всё узнать о нём, но он подтвердил только то, что она и так знала, что наместник из Вереи, и что в Москве у него остались отец и брат. Она рассказала об охоте в этих краях и о своём любимом оружии – луке, похвасталась, что настреляла достаточно соболей, чтобы обменять их в следующий приезд купцов на меч. Только тут Михаил усмехнулся и поинтересовался, что она с этим мечом будет делать. Лилия обиженно поджала губу.

– Научилась же я хорошо стрелять из лука, научусь и с мечом обращаться. – Князь всё-таки не выдержал и хмыкнул.

– Нет, милая, тут без наставника ничему не научишься, разве что мечом, как дубиной, пользоваться, так дубья в лесу полно, зачем драгоценных соболей переводить, лучше шубу себе сшей. – Лилия зарделась, она услышала и насмешку в его голосе, и это слово «милая». И всё же спросила: – Можно я иногда буду смотреть на ваши занятия с дружинниками?

– Можно, конечно, только толку от этого мало будет.

– Ничего, мне хватит.

Среди деревьев показался огонёк освещённого лучиной окна.

– Ну, вот мы и пришли. – Лилия повернулась к князю, и их глаза встретились, дыхание перехватило. Такого с ней ещё не было, сказать «до свидания» и уйти было очень тяжело. Она не могла оторвать взгляда от этих пронзительных тёмных глаз под густыми бровями, в которых плескалась почти физическая боль. Она ведь лекарка, а помочь ему ничем не может. Машинально она подняла руку и нежно провела по его виску. Князь отшатнулся, как будто она его ударила. «Всё, уходи!» – хриплый голос прозвучал грубо. Он резко развернулся и пошёл прочь.

Опять?! Опять она столкнулась с его резкостью. Дура, не надо было лезть со своими нежностями. Наверняка он все ещё любит свою жену, и ему противны чужие прикосновения. Она ведь и сама не любила, когда её трогают, что вдруг на неё нашло. Почему её так тянуло к этому мрачному человеку. Переход от радости к разочарованию был таким резким, что ей показалось, что ноги её и всё тело налились свинцом. Она еле дошла до дома и тут же, не раздеваясь, повалилась на кровать. Мать озабоченно посмотрела на неё со своей постели, но ничего не сказала и даже не стала заставлять ужинать. Она чувствовала, когда с дочерью можно поговорить, а когда лучше не трогать, и только молча потушила лучину.

* * *

Ночь прошла в бесплодных попытках уснуть. Михаил ворочался, сосчитал в уме до ста, потом до тысячи, попытался подумать о предстоящих на завтра делах, но мысли его упрямо возвращались к Лилии. Он десятки раз передумал, что он должен был сказать ей, как объяснить то, что он сделал, как оправдаться. Подбирал сотни слов, и все они оказывались не те, если он сам себе не находил оправдания, как он может убедить кого-то, что он на самом-то деле белый и пушистый, просто сейчас немножечко болеет. Да уж, «болен на голову», как сказал его отец, – «нахрена было устраивать побоище, выгнал бы мерзавку с позором, и дело с концом». Отец,

как всегда, был прав, вышло, что с позором из Москвы сбежал сам Михаил. Он вспоминал, как резко оттолкнул Лилию, когда понял, что ещё одно её прикосновение, и он не сможет держать себя в руках, она была так близко, такая нежная, искренняя, тёплая. Понимал, что в её глазах выглядит полным дураком и грубияном, и знал, что вряд ли сможет это исправить. Так до утра князь и промучался, глядя, как постепенно светает за окошком, как полная темнота становится сначала серым маревом, потом медленно приобретает ясность и синеву. Новый день обещал быть погожим, но на душе у Михаила стало совсем мутно. Он встал, оделся, плечо уже почти не болело, всё-таки эта травяная мазь творила чудеса, так быстро его раны ещё никогда не заживали. Значит, Лилия придёт осмотреть его плечо лишь раз, следующего не потребуется. Возможно, она уже будет знать, чем отличился князь. Михаил скривился. Ладно, пора выгонять дружинников на тренировку, да и конюшню надо заново отстраивать. Голова после бессонной ночи была тяжёлой, и он решил искупаться, освежить голову. Достал чистое полотенце из сундука, позвал Захара, наказал ему, чтобы начинал заниматься с ребятами без него, а сам двинулся к речке.

Солнце ещё только вставало, едва показалось кокетливо над лесом, позолотило верхушки ёлок. Над рекой стелился парок, таяли остатки утреннего тумана. Незаметно для себя Михаил вышел на те же мостки, где вчера виделся с Лилией. Воспоминание о ней опять отдалось в сердце ноющей струной. Вдохнув свежий речной воздух, он резко сдернул с себя рубаху и штаны и нырнул в по-утреннему прохладную июньскую воду. Его обдало холодом, захватило дух, Михаил сделал несколько мощных гребков и почувствовал, что тело уже привыкает к прохладе. Размашисто загребая кристально прозрачную воду, он довольно быстро доплыл до другого берега, перевернулся на спину и поплыл обратно уже медленно, едва перебирая ногами и смотря в бездонную синеву неба. Вода успокаивала, давала сил, казалась уже совсем тёплой. Выходить не хотелось, так бы плыл и плыл по течению, ни о чём не думая, ни о чём не сожалея, если бы ещё можно было уплыть от себя. Михаил подгрёб к мосткам, ухватился за доску и уже хотел было выдернуть тело из прохладных объятий воды, как заметил движение на берегу. Он напряжённо замер, но тут же расслабился, узнав девушку, которая шла в его сторону по мосткам. Это была Мария. Слегка покачивая бедрами, она улыбалась, глядя на князя.

– Доброго утречка, свет Михаил Ермолаевич! Как водичка?

– Неплоха, Мария Исуровна. Так ведь не пристало вроде девицам подглядывать за мужским купанием. – Михаилу было неудобно под её пристальным взглядом, и он, как мальчишка, смущался вылезти перед ней из воды.

– Так то девицам! А мне и самой искупаться можно!

Она загадочно улыбнулась и начала медленно развязывать пояс и тесёмки на рубахе. От такого нахальства Михаил даже не нашёл, что ответить. Смотрел, как она плавно спускает по плечам рубаху, как обнажается её ладная фигура, высокая пышная грудь с тёмными сосками, впадинка над пупком, тёмный курчавый треугольник чуть ниже, плавные изгибы бёдер, стройные ноги. Поднявшееся солнце придавало её коже золотистый оттенок. Она была хороша, хороша, как античная статуя, которую, как некую диковину, привезли в дар его отцу из Константинополя. И смотрел он на неё как на ту статую, прекрасную, но не пробуждающую желание. Она призывно улыбнулась, присела на краешек мостков, спустила ноги в воду и перекинула тяжёлую чёрную косу себе на грудь. Русалки, наверное, обзавидовались бы, увидев её сейчас. «Ну же, – уговаривал себя Михаил, – перед тобой красивая обнажённая женщина, которая сама предлагает тебе удовольствие и забвение, что же ты медлишь, возьми то, что дают, и не мечтай о большем!» Но проклятое тело отказывалось повиноваться.

– Вам нравится то, что вы видите, князь? – Голос Мары прозвучал довольно хрипло. Она погладила правой рукой сначала одну грудь, потом другую.

– Нравится!

– Так вы подойдите поближе, потрогайте, не бойтесь, не растаю. Может, на ошупь вам понравится больше?

Михаил, преодолевая внутреннее сопротивление, приблизился к девушке и погладил её обнажённую ногу. Ничего, никакого отклика в его теле это прикосновение не вызвало. Он вдруг подумал, а если бы вот так перед ним сидела Лилия. Картина, нарисованная его воображением, вспыхнула в голове так ясно, что Михаила как молнией ударило. Образ тоненькой обнажённой девушки с бирюзовыми глазами вызвал такие волны в его теле, что он как ошпаренный выскочил из воды и, чертыхаясь, стал натягивать на мокрое тело штаны и рубаху. Мара, не понимая, что происходит, обескураженно смотрела, как князь сражается с одеждой.

– А чё такое-то?

– Прости, прости, я не могу! – еле выдавил он сквозь зубы. Резко развернулся и почти побежал к городищу.

«Чёрт, чёрт, чёрт!!! Мало того, что болтают, как он, чудовище, ревнивец, жену убил, так теперь ещё и будут говорить, что он как мужчина ни на что не годен! От такого мужика жена и правда на сторону побежит! А Мара не промолчит, поделится своим разочарованием! Гадство, как же эта лесная девчонка меня зацепила! – Михаил шёл и в ярости пинал все близстоящие у тропы деревья. – Да что это за наваждение такое! Забыть, забыть!» Он влетел на двор, где тренировались его дружинники. Не переодеваясь и даже не натянув кожаные щитки, схватил тупой тренировочный меч и тут же организовал бой сразу с тремя противниками, потом противостояние пятерым. Заставил попотеть каждого своего бойца.

Он вкладывал столько силы и ярости в свои удары, что вскоре потренироваться с князем охотников уже не находилось. Дружинники потирали побитые бока и косились на князя уже недобро. «Ладно, – князь перевёл дух и отбросил меч в сторону, – кликните там Прохора, он ещё вчера хотел лес под строительство приглядеть. Идите пообедайте, да потом, кто поцелее, давайте с нами на вырубку, надо сегодня несколько сосен завалить и в городище доставить».

К концу дня Михаил так вымотался, что рухнул на кровать и тут же погрузился в глубокую тёмную пучину сна без сновидений. Проснулся, когда за окном едва посветлело, от ноющей боли в плече. Он пощупал повязку, она затвердела от пропитавшей её и уже подсохшей крови. Всё-таки он зря вчера сначала намочил повязку при купании, а потом махал мечом и топором, как оглашенный. Шов, аккуратно наложенный Лилией, разошёлся, и рана, уже начавшая подживать, снова открылась и болела. Князь сжал зубы. Ничего, он потерпит! Звать эту девчонку из леса он не будет. Не нужна она ему, не нужна! И не такие раны заживали. Ну, останется шрам уродливый, так он и так не больно привлекателен, что со шрамом, что без шрама, всё едино! Жалко только, что заниматься с дружинниками будет несподручно, так погонять их, как вчера, не получится. Ничего, он всё равно не даст им расслабиться. И, кое-как натянув рубаху на больное плечо, Михаил пошёл умываться.

День проходил, наполненный делами. Всё было как всегда, разве что бабы, завидев Михаила, улыбались и шушукались как-то больше обычного, на что он пытался не обращать внимания. Князь старался не показывать, что с ним что-то не в порядке, только Прохор заметил проступившее на рубахе кровавое пятнышко, спросил, может, лекарку позвать, на что Михаил огрызнулся, выпроводил Прохора и сходил поменять рубаху. «Что её звать?! Она же сама хотела прийти! Через пару дней. Так, может, это сегодня?» Он не хотел признаваться себе, что ждёт её, что непроизвольно вглядывается в каждую женскую фигуру, появлявшуюся на общинном дворе. Пару раз ему даже показалось, что он слышит её голос, сердце замирало, но её всё не было. Когда стемнело, и князь понял, что Лилия сегодня не придёт, его охватило отчаяние. Всё-таки он отпугнул её своей грубостью так, что она не хочет больше видеть ни его, ни его людей. Что ж, этого следовало ожидать, правда, легче от этого не становилось. Михаил честно пытался уснуть, но тяжёлые мысли и боль в воспалённом плече промучили его до утра. Перед рассветом он забылся и проснулся, когда Захар постучал в дверь и крикнул, что дружинники

вышли на тренировку. Михаил сел, голова кружилась, дыхание было горячим. «Вот и получай все прелести самолечения. Только горячки мне не хватало!»

Он попросил Захара провести тренировку без него и, обессиленный, откинулся обратно на кровать.

* * *

После расставания с Михаилом Лилия два дня ходила смурная, проверяла капканы, собирала молодые июньские травы, пропалывала огородик, успела перестирать все свои и материны вещи, поправить загон для козы и даже сделать в домике тщательную уборку. Мать смотрела на развитую ею кипучую деятельность молча, но когда Лилия утром третьего дня взяла метлу и полезла на крышу чистить трубу, не выдержала, схватила её за руку, подтащила к столу и насильно усадила на лавку.

– Что случилось, доча? Я же вижу, ты сама не своя! Обидел, может, тебя кто? В деревне? Скажи! Ты ведь знаешь, я плохого не посоветую.

– Знаешь, мам, по-моему, я влюбилась! – Лилия вздохнула и подняла глаза на Травену. Та сразу поняла, что дочка не шутит.

– Так ведь это хорошо, разве нет? Ты вполне можешь любить и быть любимой! Может даже, тебе удастся то, что не удалось мне в своё время, – создать семью. А кто он?

– Он? – Лилия на миг замешалась, но всё же ответила. – Он – князь Верейский, Михаил Ермолаевич, пермский наместник. – Травена охнула и тяжело опустилась на лавку рядом с дочерью.

– Да уж, мой цветочек, присмотрела ты жениха! Да вот только с семьёй у тебя, боюсь, может ничего не получиться!

– Почему?

– Дак, ты и сама знаешь! Какая из тебя пара пермскому князю! Ему впору княжескую или боярскую дочку за себя взять, на худой конец купеческую. Да и люди не примут такую княгиню, как ты, лесную знахарку-отшельницу, непонятную, а потому опасную. Ни тебе, ни ему покоя не будет. Может, приглядишь ещё себе паренька попроще да повеселей, а?! – Травена помолчала, глядя на грустную Лилию, погладила морщинистой рукой её светлую склонённую голову.

– Да ты не серчай, дочка! Неисповедимы пути Господни! Может, и правда князь – наречённый твой! Люби, сколько любишься, я возражать и препятствовать не буду. Сколько Богом отпущено тебе счастья, всё твоё! Но подготовь своё сердце заранее, ежели он тебе мужем и защитой не станет, то откажись от него...

– Мам, ну какая любовь, какое счастье? Я ему даже не нравлюсь! – Лилия чуть не плакала, а Травена не выдержала и расхохоталась. Лицо осветилось, и глубокие морщины, казалось, разгладились.

– Да с чего ты взяла, доча? Ни за что не поверю, что ты ему не глянулась! Да любого мужика при виде тебя оторопь берёт! Ты же у меня красавица! И умница! – Травена, улыбаясь, обняла дочь, прижала её к себе.

– Но ведь он так груб со мной! Отталкивает, гонит, а то и сам убегает от меня, как от прокажённой! Что я сделала не так, мама?

– Ну-ну! – Травена снова засмеялась и похлопала Лилию по плечу. – Поверь мне, дочка, я много пожила на свете и хорошо знаю людей, это у него защитная реакция. Боится он, очень боится!

– Боится? Меня? Он что, думает, что я его отравлю, что ли? Или в лягушку превращу? – Девушка обиженно поджала губу.

– Да нет! Он боится тех чувств, которые ты в нём вызываешь! Если бы ты ему не нрави-
лась, притом сильно, он был бы ровен с тобой, как со всеми. Я уж слышана о новом князе,
вроде никто на грубость не жаловался, только ты!

– Правда? Ты думаешь, я нравлюсь ему?

– Правда! Правда! Так что давай собирайся и беги в деревню! Нехорошо бросать своих
больных, мало ли что могло случиться.

Лилия, обрадованная, соскочила с лавки и, поцеловав мать, кинулась складывать свою
сумку. Выходя из дома, она уже что-то весело напевала себе под нос.

Травена, улыбаясь, провожала её взглядом, пока дочь с волками не скрылась за дере-
вьями. «Вот и дочь выросла, влюбилась. Как быстро летит время! Как же я оставлю её одну в
этом мире?» Травена знала, что ей уже отпущено не так много времени. Болезнь поселилась в
её теле полгода назад, а организм уже был слишком стар, чтобы с ней справиться. Травами она
замедляла развитие болезни, заглушала боль, но возраст постепенно брал своё. Она спокойно
относилась к приближающейся смерти, Господь и так дал ей немало лет жизни, вот только за
Лилию она переживала. Грех тяготил, хоть и исповедовала его у заезжего миссионера-священ-
ника. Не искупила она свой грех перед девочкой! Травена ведь отняла у неё настоящую семью
и перед смертью должна как-то искупить вину, рассказать ей правду о её рождении, но всё
никак не решалась на тяжёлый разговор, откладывала и откладывала. Травена вздохнула, скоро
откладывать будет некуда. «Прости, Господи, грешную рабу свою! И дай моей девочке здоро-
вья и счастья!» – Травена подошла к иконам, зажгла свечу и опустила на колени помолиться.

* * *

Лилии казалось, что она летит по лесу, белые стволы берёз, рыжие сосен, густая тёмная
хвоя елей пролетали мимо. Солнечные блики, пробившиеся сквозь лесную крону, кружились
в радостном калейдоскопе. «Я нравлюсь ему! Я нравлюсь ему!» – звенело в её голове, и она
аж подпрыгивала от восторга, ещё ускоряя шаг. Волки явно не понимали, что происходит с их
давней подругой, недоумённо смотрели на её прыжки и, на всякий случай, поотстали.

В деревню она почти вбежала, спугнула стайку куриц, деловито рывшихся в придорож-
ной пыли, и только тут притормозила и приняла более степенный вид. К общинной избе она
подошла уже медленно, вошла, глаза после яркого солнечного света некоторое время приви-
кали к полумраку, огляделась. К её удивлению, раненых в отведённом им углу не было. Лежал
только Фёдор, которого ранили в живот, Лилия с ним дольше всех в день нападения провози-
лась, ну с такой раной и впрямь не побегаешь, хоть она и была неглубокой, да Иван с перевя-
занной ногой что-то мастерил ножом из деревянного чурбачка. Запах свежей стружки витал в
воздухе. Лилия улыбнулась и подошла к дружинникам.

– Ну, как вы себя чувствуете?

– Да живы и почти здоровы благодаря твоим стараниям! Ребята, кто поздоровше, разбе-
жались все, кто на рыбалку, а кто и к девкам, быстро от ран оправились, видать, ты дело своё
знаешь! А как тебя, кстати, по батюшке-то? К такой знахарке, может, и поуважительнее стоит
обращаться? – Иван отложил нож в сторону.

– Да не стоит! Я привыкла, что просто Лилия. А по батюшке Афанасьевна я, как говорит
мама, а сама-то я отца не видела никогда. Мама говорит, приезжий он, купец, вот только сгинул
где-то и весточки не послал.

– Бывает...

– Вы мне зубы-то не заговаривайте, лучше дайте я раны осмотрю да свежей мазью
помажу, а вы вот выпейте. – Она сунула в руки Ивану фляжку с травяным отваром и занялась
перевязкой. Про князя она решила спросить, когда закончила перевязывать Фёдора.

– А что князь? Тоже, небось, делом занят, не бережётся?

– Князь? Вчера видел, с мужиками лес ходил валить, а сегодня и не выходил вроде, а ты вон Прохора спроси. – Прохор как раз вошёл в избу, стоял, оглядываясь и моргая. Заметил Лилию и обрадовано поспешил к ней.

– Слава Господу, ты здесь! Я уж хотел было за тобой в лес ехать, Рыжика взнуздал. А ты вона где!

– А что случилось?

– Да князь в горячке! Утром не встал, ну, я думаю, может, устал с вечера, хочет выспаться, я и отошёл. Ну а как он к полудню не вышел, так я и заподозрил неладное. Стучу, а он не отвечает, пришлось на свой страх дверь ломать, а он там весь красный лежит и бредит. Никого не узнаёт, мечется.

Всю эту тираду Прохор выдал, волоча Лилию к княжеским покоям. Лилия и сама уже бежала, прижав сумку с лекарствами к груди.

– Господи! Как же такое могло произойти, рана ведь уже подживала!

– Дык, чо говорить! Князь последнее время как одержимый работает, ни себя, ни людей не жалеет! Рана, не рана!

У дверей княжеских покоев уже толпились обеспокоенные дружинники. Прохор тут же разогнал их, рывкнув, чтобы убирались и не мешали лекарке.

У Лилии болезненно сжалось сердце при взгляде на Михаила. У него явно был жар, щёки покрывал неестественный румянец, губы пересохли, одеяло и рубаха, отброшенные, валялись на полу. На князе были только портки и повязка на плече, которая стала коричневой от засохшей крови. Лилия кинулась к нему и прижала ладонь к разгорячённому лбу.

– Господи, прости! Это я виновата! Надо было раньше прийти, проверить! Рана воспалилась! Прохор, давайте скорее, принесите тёплой и холодной колодезной воды, чистые полотенца и простыню.

Прохор, стоявший у двери, причитающий и подвывающий что-то о своём недогляде, сразу не понял, о чём его просят, пришлось повторять, после чего он рванул с места так, как будто за ним медведь гнался.

Лилия быстро откопала в сумке жаропонижающий настой, откупорила пробку глиняной бутылочки и поднесла к губам Михаила. Горькая жидкость полилась в горло, он недовольно мотнул головой, пришлось придерживать его руками и поить насильно. Он приоткрыл глаза, мутным взглядом посмотрел на Лилию, пересохшие губы едва двигались.

– Зачем ты преследуешь меня? Мучаешь меня? Отстань! Изыди! Опять мерещится! – Он снова прикрыл глаза. Лилия грустно усмехнулась, всё-таки князь её считает ведьмой, как беса изгоняет. Да хоть кем пусть считает, лишь бы выздоровел! А на больных не обижаются, пусть хоть сто раз выгоняет, она не уйдёт, пока не удостоверится, что он здоров.

С шумом ввалился Прохор с тазиком тёплой воды, позади него Аксинья тащила ведро холодной и ворох полотенец. Лилия тут же намочила тёплой водой заскорузлую повязку князя и, аккуратно сняв её, обработала рану. Выгнала Аксинью и, попросив Прохора придержать князя, стянула края разошедшейся раны, сделав несколько стежков. Наложила слой свежей травяной мази и замотала рану чистой тканью. Она с тревогой, виновато вглядывалась в лицо князя. Если бы не её обида, она давно бы уже побывала в деревне и предотвратила это воспаление. И князь был бы сейчас здоров и полон сил! Она попросила Прохора принести ей стул, сказав, что побудет с князем, пока ему не полегчает, налила в ведро холодной воды немного яблочного уксуса и, намочив полотенце, стала обтирать пышущего жаром Михаила.

Трое суток Лилия не отходила от князя. Жар то утихал, то вспыхивал вновь. То его колол озноб, то выступала испарина. Лилия стогнала дворового мальчишку с запиской к матери за дополнительными отварами и мазью, поила князя травами, меняла повязку, обтирала его, обматывала влажной прохладной простыней. Прохор несколько раз пытался её выгнать отдохнуть, но потом, смирившись с её упрямым нежеланием покидать князя, притаранил в покои

широкую лавку: «Вот, прикорнёшь, может, когда, а то на стуле-то, того, неудобно!» Лилия поблагодарила, но спать так и не ложилась. Только к исходу третьей ночи жар начал спадать, багровая краснота вокруг раны побледнела, горячечный румянец оставил щёки, а дыхание стало спокойным и ровным. Князь погрузился в глубокий сон, и Лилия испытала огромное облегчение. Ну вот! Теперь дело пойдёт на поправку! Казалось, гора спала с плеч, страх, что Михаил может и не оправиться от болезни, а она так и не узнала как следует этого человека, который впервые затронул её чувства, острыми коготками царапал её сердце все три дня, заставляя её молить Господа и Богородицу о помощи и заступлении по несколько раз на дню. Она и ночью молилась, стоя на коленях на полу перед лавкой, на которую она ставила образок, который всегда носила в своей сумке. И вот теперь он спал, натянув на себя высохшую уже давно простыню, и лицо его во сне казалось совсем юным и беззащитным. Лилия не удержалась и с нежностью погладила его по голове, провела пальцем по густым тёмным бровям, по носу, прикоснулась к губам и даже потрогала его тёмную, аккуратно постриженную бородку, которая на ощупь оказалась на удивление мягкой. Неожиданно поймала себя на том, что пытается разглядеть его тело под простыней так, как не разглядывала, пока обтирала и ухаживала за ним во время болезни. Тут же почувствовала себя бесстыдницей, зарделась и отвернулась. Облегчение вдруг принесло такую усталость, что она мысленно поблагодарила Прохора за вовремя принесённую лавку, прилегла и, не успев вознести Господу благодарственную молитву, погрузилась в сон.

* * *

Тёплый солнечный луч приятно грел щёку, и открывать глаза совсем не хотелось. Михаил потянулся. Эх, хорошо выспался, и рука совсем не болит, только вот тренировку он всё-таки проспал! Ничего, в следующий раз ребят погоняет подольше. Он пощупал повязку, она была свежая! Не заскорузлая от засохшей крови, как он её помнил, а свежая! Это открытие заставило его резко сесть, в глазах потемнело, Михаила качнуло обратно, он едва удержался, чтобы не упасть на подушку. «Что-то ослаб не на шутку, гадство, подкосила всё-таки эта царапина!» Помотал головой, проморгался и просто остолбенел. Прямо перед ним, мирно свернувшись калачиком на лавке, спала Лилия! Солнечный луч, в котором кружились пылинки, окутывал её золотистой дымкой. Сложенные ладошки она как ребенок подложила под голову, а из-под зелёного сарафана выглядывала маленькая розовая ступня. Михаил ущипнул себя, потом потрянул головой, чтобы убедиться, что не спит. Боль от щипка была реальна, значит, и девушка реальна! «Как она здесь очутилась? Что тут делает!? Ах да, повязка! Значит, она была тут, с ним! Значит, она ему не приснилась!» Михаил сглотнул. Какая же она всё-таки маленькая, хрупкая, светлая! Он мог бы взять и положить её себе на колени, и она бы уместилась. Он бы отгородил её руками от всего мира и никому бы не отдал! И не дал бы никому обидеть её! Она была бы его светлячком, огоньком в том мраке, в который он сам вогнал себя! Какие глупые мысли лезут в голову! Он все смотрел на неё, смотрел и чувствовал, как в груди разливается теплота. Ему было так хорошо просто оттого, что он видит её, как давно уже не было, и потому боялся даже дышать, чтобы не разрушить её хрупкий предутренний сон. Задушить был готов того петуха, который прогорланил свою утреннюю песнь прямо под окном, хотя было уже далеко не утро. Лилия вздрогнула и открыла глаза, радостно улыбнулась, увидев князя, и тут же смущённо потупилась и соскочила, заметив его пристальный взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.